

ОЛЬГА КОРОТАЕВА

АГЕНТСТВО «ЧУДО-ТРАВА»

СЕМЬ НЕВЕСТ
НЕКРОМАГА

Агентство «Чудо-травы»

Ольга Коротаева

**Агентство «Чудо-травы»:
Семь невест некромага**

«Ольга Коротаева»

2018

Коротаева О.

Агентство «Чудо-трава»: Семь невест некромага / О. Коротаева — «Ольга Коротаева», 2018 — (Агентство «Чудо-трава»)

Счастливая жизнь ведьмы и охотника на ведьм? Больше похоже на сказку... А уж если, если ведьма своенравна, а охотник чрезмерно насмешлив, то и вовсе фантастика! Чтобы сбежать от разрывающих сердце отношений, я практически зубами вцепилась в дело исчезнувшей в Тремдише ведьмы. Оказалось, что за загадочными происшествиями в небольшом городке стоит симпатичный, но ужасный некромаг! Но чем настойчивее я пыталась распутать клубок событий, тем запутаннее становилось дело. Как же узнать, кто в действительности марионетка, а кто дёргает за ниточки? В этом мне поможет новая способность и моя невозможная любовь... или всё-таки возможная?

Содержание

Глава 1. Расторгнутая помолвка	5
Глава 2. Головокружительная встреча	22
Глава 3. Смертельная западня	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Расторгнутая помолвка

Стена приятно холодила спину, утреннее солнце слепило глаза, приятный аромат свежей выпечки вызывал обильное слюноотделение. Живот громко забурчал, я досадливо зажмурилась и прижала руки к поясу: не хватало ещё, чтобы чёртов соединитель сердец услышал, а то ведь избежит справедливого возмездия! Откинула рыжие локоны и осторожно выглянула из-за угла.

Противный официант и по совместительству хозяин кафе «Согласна» трудолюбиво вытирал уличные столики от утренней росы: лицо его практически светилось от удовольствия, губы были сложены трубочкой. До меня донёлся весёлый свист, и я досадливо поцокала языком: наслаждается жизнью после того, как мне жизнь испортил? Что же... Близка твоя расплата!

Тёплый ветерок вновь дунул мне в лицо, обдавая умопомрачительными ароматами, и я с тоской покосилась на распахнутую дверь кафе, да невольно сглотнула. Чтобы отвлечь себя от вкусных запахов, вытащила сотовый и набрала брата.

– Где застрял, драконище недобитый? – прошипела в трубку. – Мне Аноли позвонить, чтобы ты быстрее шевелил булками?

Услышала короткие гудки и тихо выругалась: вот же инкуб противный! Как от инстинкты убежать, так он быстрее волколака, а как сестре помочь с маленькой проблемкой, так отключается? Ну хорошо, устрою тебе ночь незабываемых кошмаров!

– Не ворчи, тут я!

Я невольно подпрыгнула и, умудрившись развернуться в воздухе, с испуганным писком двинула ему в челюсть. Лежик взвыл и схватился за ушибленное место.

– Спятила?! – высоким от возмущения тоном спросил он.

Я резво прижала ладонь к его рту и прошипела:

– Тихо! Этот чудик на улице. Услышит ещё... да раньше времени обрадуется моему подарочку!

Лежик нахмурился и пробурчал:

– Мара, я не хочу!..

– Надо! – обрубил я и нетерпеливо вытолкала брата из укрытия: – А то реально верну тебя красотке Аноли! Что лучше: разок поступиться правилами или вновь оказаться в плену у злобной красной птички? Иди уже, великий соблазнитель!

Лежик нехотя побрёл в сторону кафе, а я зло покосилась на белоснежную вывеску, где яркими буквами было выведено противнейшее словечко «Согласна». Эх, забрать бы у парня лицензию на регистрацию помолвок! Может, зря я так быстро сбежала из Комитета? Всё было бы гораздо проще... и не пришлось бы привлекать инкуба.

Я посмотрела на опущенные плечи брата, его нервную косолапость и ощутила лёгкий укол совести, но, вспомнив саркастичное выражение лица Генриха, решительно выпрямилась. Ничего, не переломится инкуб, соблазнив всего одного мужика. А мне чертовски необходимо вернуть свободу!

Официанта у столиков не оказалось, и Лежик растерянно обернулся, а я отчаянно замахала руками: мол, заходи внутрь! И, чтобы видеть, что будет происходить в кафе, быстро побежала к широкому окну. Присела на корточки и, высунув от нетерпения кончик языка, прижалась к прохладной гладкости стекла, но ничего рассмотреть не смогла.

– Кофе? – услышала я голос владельца проклятого кафе.

Ответа Лежика не расслышала: возможно, брат просто кивнул. Недовольно пожевала губы, – так инкуб может просто выпить кофе и свалить, убеждая меня, что парень не поддался его чарам, – встала на четвереньки и решительно подползла к двери, дабы пресечь возможное отступление брата, как вдруг показался Лежик. Не обращая на меня, раскоряченную, внима-

ния, он степенно прошествовал к ближайшему столику и, усевшись, закинул ногу на ногу. В дверях показался официант.

Я чертыхнулась и шарахнулась в сторону, но тот, не заметив меня, обратился к Лежику:

– Сколько сахара предпочитаете?

Брат по-королевски снисходительно улыбнулся и едва заметно покачал головой:

– Я слежу за фигурой. А вот вы можете позволить себе сахар, ваша форма безупречна!

К моему немалому удивлению официант покраснел и исчез в дверях. Восхищённо присвистнула и показала Лежику большой палец, а брат сунул указательный себе в рот, изображая рвоту. Я иронично фыркнула и перебралась под столик так, чтобы меня видно не было, но могла наблюдать за происходящим.

Вскоре вернулся официант, мелкими шажками приблизился к столику Лежки, в руках его дымились две белоснежные чашки. Одну он поставил перед инкубом, вторую рядышком, а сам осторожно присел на самый краешек стула, словно готовый по движению брови Лежика сорваться и принести что угодно: от пирожного до звезды с неба. Чары инкуба работали безупречно!

Лежик обхватил блюдце, на котором стояла вторая чашка кофе, и медленно потянул его в сторону официанта, – посуда противно задребезжала по поверхности стола. Инкуб остановил чашку у края, а сам потянулся к парню, и длинные пальцы его легли несчастному на предплечье.

– Это вам, – томно проговорил инкуб и, резко отстранившись, поспешно добавил: – Но заплачу я, разумеется, за оба...

– Что вы, что вы! – замахал руками официант и покраснел ещё сильнее: – Всё за счёт заведения! Смеею предложить воздушные диетические пирожные... Моё собственное изобретение! Я приготовлю их специально для вас, потребуется лишь несколько минут... И не клеветайте, пожалуйста, на свою потрясающую фигуру, я никогда в жизни не видел мужчины прекраснее!

Я прижала обе ладони ко рту и забулькала от едва сдерживаемого смеха. На бледных щеках Лежки шевельнулись желваки, рука брата, которая до этого покоилась на его колене, сжалась в неприличном жесте, который был виден только мне, а я умильно покачала головой.

– Ну если только штучку... – Лежик заставил себя улыбнуться, официант тут же подорвался с места и бросился к дверям.

– Уговорил, противный, – ехидно захихикала я.

На Лежку было жалко смотреть. Брат сложил ладони и умоляюще простонал:

– Мара, я не хочу! Зачем тебе это? Тебе же вроде нравится инститор, так побудь ещё немного невестой Генриха...

– Да если бы Генриха! – возмущённо прошипела я. – Этот официантишка посмел сдать в Комитет отчёты, в которых указано моё обручение с Джертом! Говорят, что в силе только последнее «Согласна!», и кое-кто по моей просьбе уже выкрал лист из отчёта... Осталось лишь уничтожить запись в самом кафе, да изъять это ужасное событие из памяти «безупречной формы».

Лежик поморщился и недовольно проворчал:

– Стереть парню память ты смогла бы и без меня...

Я скорчила зверскую физиономию и сквозь зубы прошипела:

– Разумеется, тут мне чёртов дракон не нужен! Твоя задача – уговорить официанта показать эту самую книгу. Да вырвать лист, где указано моё имя! Понял?

Лежик задумчиво постучал длинным изящным пальцем по краю дымящейся чашки.

– Но если действительно последнее слово, – тихо проговорил он, – разве не проще ещё раз посетить с Генрихом это кафе?

– Умный какой, – скривилась я и, вспомнив каменную физиономию Генриха, когда я сама ему это предложила, пробурчала: – Это могло сработать только до сдачи отчётности. А теперь нужно подавать прошение на расторжение помолвки в сам Комитет... Как ты думаешь, Джерт пойдёт на это? Он теперь не хухры-мухры, а чёртов главный комитетчик!

Лежик покачал головой и иронично спросил:

– А ты уточняла это у самого Джерта? Может, он и сам был бы рад от тебя избавиться...

– И уточнять не нужно, – недовольно перебила я. – Даже если Джерт вдруг не захочет заполучить даймонию в свои подземелья, то оставит всё как есть, лишь бы досадить новообретённому братцу!

Лежик вдруг подался вперёд, его зелёные глаза заблестели от воодушевления:

– Так может пусть Генрих с ним разберётся?

Я мрачно хмыкнула и поникла:

– Как бы не так! Ты словно первый день знаешь инститора...

– Так ты уже просила его? – деловито уточнил Лежик.

Я удручённо кивнула и, устав сидеть на корточках, облокотилась на стул:

– Ответил, что меня за язык никто не тянул. Так что, придётся с Джертом самой разбираться...

– А что вы делаете под столом?

Я вздрогнула, вскочила и, ударившись макушкой о низ стола, охнула и плюхнулась на пол. Официант, появление которого мы за разговорами прозевали, удивлённо склонился надо мной, в руках его белела тарелка с горой пирожных. Я скривилась и машинально потёрла растущую шишку, в глазах официанта вдруг появилось узнавание.

– Ты! – воскликнул он, невежливо тыкая в меня пальцем. – Та самая ведьма, невеста инститора! Где ты, там беда! Немедленно убирайся, и чтобы духу твоего здесь не было...

– Согласна! – растерянно пискнула я.

Официант вздрогнул всем телом и вытаращил глаза. Будто не знал, что делать: произнесено сакральное слово, а он не готов к работе! Руки его безвольно опустились, блюдо накренилось, и чудесные пирожные посыпались на пол. Поняв, что теперь не удастся угостить прекрасного инкуба, официант глухо зарычал и замахнулся опустевшей тарелкой, а я испуганно прикрылась руками. Запястья мои словно обьяло туманом, но я отчаянно сдерживала силу даймонии, которой ещё толком не умела управлять. Здесь же мой брат! Я не могла допустить, чтобы Лежик пострадал...

Но спас всех именно Лежка. Инкуб быстро и бесшумно приблизился к официанту, резким движением притянул его за талию и, прижав к себе, впился в губы страстным поцелуем. Блюдо выпало из ослабевших рук парня, тарелка с громким звуком покатила по полу. Справившись с силой даймонии, я облегчённо вытерла со лба холодный пот. Поцелуй затягивался, и я, привлекая внимание, дёрнула брата за ухо.

– Книга!

Лежик вздрогнул и отпрянул от официанта. Гадливо сплюнув в сторону, он проворчал:

– Ненавижу тебя за это!

– За что? – невинно уточнила я и ехидно добавила: – За то, что поцеловал мужика или за то, что тебе это понравилось?

Лежик молча встряхнул официанта, на лице которого расплылась дебильная улыбка влюблённого, и резко приказал:

– Неси книгу регистрации!

Едва дождавшись, когда официант плюхнет на стол здоровенный фолиант в кожаном переплёте, я вцепилась в книгу, нетерпеливо перелистывая шуршащие листы, но страницы с нужной датой моих «помолвок» не было...

– А где? – Я растерянно опустила на стул и провела пальцем между страницами, ощущая, как остатки вырванного листа немного царапают кожу.

– А! – Официант нежно улыбнулся Лежику: – Главный комитетчик приказал приложить к отчёту эту страницу... уж не знаю, зачем. Я не посмел перечить.

Я обхватила голову и в отчаянии простонала:

– Ну я и попала... Джерт запрет меня в подземелье на веки вечные!

Официант отрицательно покачал головой:

– Нет, это не исполняющий обязанности, а сам главный комитетчик так приказал.

Я невольно подскочила и заорала:

– Генрих?!

Лежик досадливо сунул руки в карманы и отвернулся:

– Ёкарный бабай, Мара! Получается, я зазря мужика тискал?!

Я умоляюще сложила ладони и жалобно заскулила:

– Прости, Лежик! Я же не со зла... Я понятия не имела, что Генрих забрал лист! Ну, пожалуйста! Буду должна...

Лежик обернулся и гордо покачал головой:

– Полгода прощение вымалывать будешь! – Тут у него зазвонил сотовый, инкуб нервно пошарил по карманам, и трубка запрыгала в его пальцах: – Да! Уже? Двойня?! Я счастлив, любимая!.. Лечу! – Он сунул телефон в карман и требовательно протянул ко мне руку ладонью вверх: – Всё, уговорила, прощаю! Денег дай... Двадцатку!

– Чёрт, – выругалась я, нехотя выуживая кошелёк. – На десять! Больше нет...

– У меня же двойня! – возмущённо вскричал Лежик и добавил с нажимом: – А ещё я, по твоей просьбе, засунул язык мужику в рот!

– Да держи всё, что есть! – рявкнула я, пихая ему в руки кошелёк. – А я пойду, почку продам!

– Спасибо, сестричка! – радостно воскликнул Лежка и торопливо покинул кафе.

Официант, глядя вслед инкубу, ошалело хлопал ресницами:

– А как же я?..

– Ах да! – Я подошла к парню, положила ладонь ему на веки и потянула воспоминания последнего часа. – Сейчас мы тебя, родимый, от нечаянной голубизны вылечим...

***

Я стремительно шла по улице, пальцы то и дело сжимались в кулаки. Может, шархнуть Генриха из-за угла, пока тот меня не видит и не успел поставить защиту? Долбануть свеженькими воспоминаниями соблазнённого официанта, и пусть узнает, каково это – когда инкуб тебя помогает! Мне даже касаться охотника не надо, чтобы использовать силу даймонии... Губы скривились в жёсткой усмешке: да и прятаться не надо! Никакая защита не спасёт инститора. Как приятно думать, что в мире мало кто может тебе противостоять! По запястьям заструились серые вихри, и услышала собственный рык. В груди кольнуло, я вздрогнула и остановилась.

Словно только что проснулась и растерянно посмотрела на спешащих на работу людей, на оранжевые блики от утреннего солнышка, искрящиеся на серых стенах офисных зданий. До меня донёсся мерный шум со стороны оживлённой трассы и скрипящие вороньи переругивания из-за высокого забора. Мир, в котором, казалось, никто не задумывается ни о ведьмах, ни о лицензиях на применение волшебства. И в этом хрупком мире есть такой монстр, как я...

Помотала головой так отчаянно, что зашумело в ушах. Нет! Я смогу сдерживать эту силу. Не позволю даймонии уничтожить мир! Усыплю эту тварь внутри себя, пусть даже оставаясь посредственной ведьмочкой с простенькой лицензией. Злость на Генриха улетучилась, и я с улыбкой направилась к нашему офису. Какая разница, как это случилось? Теперь я свободна! Помолвка тяготила, держала в напряжении, словно незримый меч, повисший над головой, и избавление от нечаянного согласия радовало с каждой секундой всё больше и больше.

Я влетела в приёмную так оживлённо, словно за спиной выросли крылья, а впереди ожидали лишь радостные события. Но радостные события где-то заблудились: у стола секретарши стояла донельзя мрачная Багира. Увидеть стража после всего, что произошло в Дубовой роще, было равносильно встрече с кредитором. Я нервно оскалилась и хлопнула себя по лбу:

– Чёрт! Я забыла... это... короче, я скоро!

И бросилась обратно к двери, но Забава ринулась мне наперерез. Русалка раскинула руки, и я со всей силы врезалась в секретаршу, намереваясь выскочить из офиса в любом случае, пусть даже придётся тащить нашу эксгибиционистку на себе.

– Мара, – пискнула Забава. – Стой!

– Да ни за что, – пропыхтела я, проталкивая упирающуюся русалку в проём двери. – Ты не знаешь, что стало с Дубовой рощей, а я знаю! Даже если страж будет сулить мне золотые горы, я не пойду на это! Я не полезу в пасть озверевшему Вукуле!

Забава вцепилась одной рукой в перила, а другой обвила мою шею так, что я придушенно захрипела, и поспешно крикнула:

– Багира не к тебе...

Я удивлённо замерла. Русалка, убедившись, что я передумала сбегать, медленно отпустила мою шею. Я судорожно вдохнула и прохрипела:

– А к кому? Не к Лежику же! После того, как эта сумасшедшая тётка едва не разрушила его дом, брат не терпит даже упоминания о стражах...

– Багира здесь?

Я вздрогнула и быстро оглянулась: по лестнице поднимался Генрих, и от звука его голоса, как всегда, у меня перехватило дыхание. Лицо охотника, казалось, было лишено эмоций, а изумрудные глаза холодно блестели.

– Привет, – робко улыбнулась я. – Ты ждал стража? Зачем?

Генрих лишь коротко кивнул, и я досадливо скрипнула зубами: вот как с ним общаться? Пара моментов, когда инститор проявил ко мне нежность, с каждым днём всё больше казались забытым сном... или чужими воспоминаниями, и я мучилась сомнениями, было ли это на самом деле. Может, это иллюзия? Красные птички еще не на то способны! Вдруг, это изощрённая месть Аноли?

В ожидании ответа, я проводила охотника взглядом, но, когда тот исчез в дверях офиса, лишь тяжело вздохнула:

– Ну и ладно! Сама узнаю.

Забава хитро усмехнулась и скользнула следом за Генрихом. Я, тяжело ступая, нехотя потопала обратно в офис. Всё же страх перед неизвестностью, которой стала Дубовая роща, пересиливал любопытство, и на самом деле, я предпочла бы не знать, зачем к нам явилась Багира. С такими думами я зашла в приёмную и направилась к двери в кабинет инститора, как едва не получила по носу, ибо дверь эта захлопнулась прямо передо мной.

– Эй! – недовольно воскликнула я. – Что за секретность?

Ещё секунду назад я мечтала ни о чём не знать, но теперь была готова разнести эту тонкую доску, чтобы попасть внутрь. Да как он посмел? Зло забарабанила в дверь:

– Генрих! Немедленно открой! Я полноправный партнёр агентства и имею право знать всё то, что знаешь ты... – Прижалась ухом, но ответом мне была тишина: инститор, разумеется, проигнорировал все требования. Проворчала: – Вот выйдет Багира, сразу отберу её воспоминания и всё равно узнаю, о чём вы там шептались!

Забава, весело напевая незнакомый мотивчик, порхала по приёмной, – в воздухе распространился аромат кофе, – и я сдалась. Вздохнула, подошла к столу секретарши и подхватила одну из двух дымящихся кружек. Русалка присела на стол и шумно отхлебнула кофе, а я устроилась рядом.

– Может, она шпионит за Вукулой? – задумчиво предположила Забава. – Ты говорила, волколак угрожал Комитету. Возможно, Генрих следит за Дубовой рощей именно как главный комитетчик...

Я пожалала плечами, угрюмо наблюдая за тем, как секретарша медленно потягивает ароматный напиток, и, осознавая, что мне совершенно не хочется кофе, всё равно не выпускала чашку из рук. Было необходимо хоть чем-то занять себя, чтобы не вспоминать о том страшном дне, когда я впервые увидела преображённого Вукулу.

Именно тогда ворота Дубовой рощи навсегда закрылись для посетителей, и никакие жалобы не помогли ведьмам получить то, что они хранили в каменных склепах. Думаю, что Вукула давно вскрыл хранилище и использовал то, что было скрыто в своих целях, иначе почему инструкторы ни разу не смогли проникнуть на территорию рощи, а комитетники лишь уныло подкалывали в архивные папки новые жалобы?

– Возможно, – задумчиво проговорила я и обиженно добавила: – Но я ведь не чужой человек! Меня всё это тоже касается, ведь Вукула ясно дал понять, что он теперь мой враг. Я до сих пор спокойно спать не могу! Волколак может находиться рядом, а ты об этом даже не знаешь!

Забава поставила пустую чашку на стол и печально вздохнула:

– Хоть убей, не могу себе представить Вукулу врагом! Он всегда за тобой по пятам ходил...

– Как подумаю, что до сих пор ходит, – мрачно хмыкнула я, – так волосы дыбом!

Так не сделав ни глотка, поставила чашку и ревниво покосилась на закрытую дверь в кабинет инструктора. Не могла вслух признаться, но, кажется, больше волновало не то, что они не посвящают меня в свои тайны, а то, что Генрих сейчас наедине с Багирой. Эта женщина восхитила даже моего братца-кролика! До того, как разнесла его дом... Инкуб упоминал, что стражи неутомимы в любви. Я вздрогнула: может, именно из-за таких вот встреч Генрих не смотрит на меня, как на женщину? Что, если страж, отчаявшись заполучить Лежика, решила переключиться на моего жениха?!

Сжала челюсти так, что скрипнули зубы, и невольно застонала: так Генрих мне и не жених вовсе! Ритуал в «Согласна» недействителен, да и не был таким никогда, раз тот противный официант подал сведения лишь обо мне и Джерте. А вот с сыном Сигарда я была официально помолвлена. Приуныла: надо было выкрасть из Комитета весь отчёт...

– Мара? – Забава тронула моё плечо, и я обернулась: бледное лицо русалки выглядело взволнованным. – Тебе нехорошо? Ты так изменилась за последнее время. Когда Генрих вернулся в агентство, ты порхала как бабочка, и глаза светились от счастья. А теперь худишь с каждым днём... Скажи честно, ты беременна?

Я растерянно моргнула, нервно хихикнула и покрутила пальцем у виска:

– Ты чего, Забава, с дуба рухнула?

Личико русалки изумлённо вытянулось:

– Ну да. Ночью я немного задремала на дубе... Жаль, что он не волшебный и не подхватил меня ветвями, как в Роще стражей. В результате огромный синяк на бедре, придётся сегодня на ночную прогулку по парку парео накинуть. Но откуда тебе известно?!

Я изумлённо покачала головой и протянула:

– Ну ты это... поосторожнее там по деревьям-то скачи! Где я ещё такую чокну... замечательную секретаршу найду?

– Ха! – уловив мой ироничный тон, язвительно скривилась Забава. – И правда, где ты найдёшь такую дурочку, что и офис бесплатно сдаст, да ещё и сама задаром работать будет?

– Ничего не бесплатно! – возмущённо возразила я и хитро подмигнула: – Или забыла уже, как сама скостила нам арендную плату за то, что мы с Генрихом вытащили твою мать из логова волколаков?

Русалка недовольно нахохлилась и проворчала:

– Ты от темы-то не уходи! Признавайся честно – ты беременна?

Я фыркнула и обиженно покосилась на дверь:

– С чего бы? Генрих же...

Забава пододвинулась так близко, что щёку обожгло её горячее дыхание.

– Да?! – прошептала русалка, и глаза её жадно сверкнули: – И поподробнее, пожалуйста!

Я отпрянула от подруги и скрестила руки на груди.

– Какие ещё подробности? – недовольно отозвалась я. – Я говорю, что Генрих меня и не поцеловал ни разу с того дня, как вернулся. Если я вдруг и беременна, то разве что от святого духа!

– Духа? – ещё ближе придвинулась русалка, и пальцы её судорожно сжали моё плечо: – Вот именно!

– Что «именно»? – нервно рассмеялась я и с сочувствием пощупала макушку Забавы: – Кажется, ты и головой неслабо ударилась, просто в волосах синяков не видно! Что за бред ты несёшь?

Русалка обиженно нахохлилась.

– Ничего не бред, – проворчала она. – Сама же говорила, что плохо спишь, а невидимый Вукула бродит за тобой по пятам! Мол, он может быть рядом, а ты и не узнаешь! Так может, ты и забеременела от него...

Я умильно улыбнулась и осторожно погладила русалку по щеке.

– Болезная моя, – нежно проговорила я. – Даже если я его не вижу, то как бы мне удалось не ощутить, что он старается меня оплодотворить? К тому же Вукула невидим только в волчьем облики... – Меня передёрнуло: – Фу! Как представлю, тошнить начинает! И вообще, хватит чушь нести! Я не высыпаюсь потому, что дел полно, а заказы такие, что приходится по ночам работать. А похудела оттого, что банально не на что жрать! Лежка из меня все деньги вытягивает, чтобы гарем свой растущий прокармливать...

Забава упрямо покачала ушибленной головой.

– Но Мара, – взвыла она. – Всё же сходится. Ты подумай: тебя даже тошнит!

– Тошнит от твоих больших фантазий, – раздражённо обрубил я. – Хватит! Ты ещё Генриху скажи, что я беременна от Вукулы!..

Забава замерла, лицо её вытянулось, а глаза расширились. Я вдруг ощутила, как по шее пробежался холодок, резко обернулась и встретилась взглядом с изумрудными глазами инстинктора. Казалось, даже в нашу первую встречу в них не было столько ярости... В груди кольнуло, дыхание замерло. Машинально обхватила горло, заранее защищая от хватки охотника, и одним чудовищным прыжком оказалась за столом секретарши, впрочем, ясно осознавая, что для Генриха это не преграда.

В какой момент он открыл дверь? Что услышал? Если это была только моя последняя фраза... Я нервно слотнула и невольно пошатнулась. Мне конец!

– Э, – осторожно выглядывая из-за спины охотника, протянула Багира. Маленькая фигурка стража казалась детской по сравнению с Генрихом. Женщина вяло махнула рукой, лицо её скривила смущённая улыбка: – Мне, пожалуй, пора...

И шустрой тенью выскользнула из офиса. Забава, бормоча что-то про отчёты, подхватила со стола пару папок и мелкими шагами поспешила за стражем. Генрих не двигался, его немигающий взгляд буравил меня так, что казалось, сейчас прожжёт насквозь. И даже бесполезно что-то объяснять, а оправдываться вообще глупо. Я же ни в чём не виновата! Мелькнула мысль о силе даймони: только с её помощью я смогу выжить...

И тут меня вдруг отпустило, словно внезапно подействовало зелье смелости. Страх растворился, дыхание выровнялось, а кожа вновь обрела чувствительность. Я не запуганная ведьма с фиктивной лицензией... Точнее, это так, но это лишь маска, и мне не стоит вновь

срастаться с ней. Я – великая даймония! К тому же, официально мы с Генрихом друг другу никто...

Я вскинула подбородок и высокомерно спросила:

– Чем-то недоволен, инститор? – Голос мой прозвучал удивительно холодно, и я заметила, как задрожали пальцы Генриха, лицо его побелело, но остановиться уже не могла: – Ты же сам освободил меня от помолвки с Джертом... а с тобой, как оказалось, мы и помолвлены официально не были. Я свободна и могу делать всё, что хочу!

К моему изумлению Генрих рассмеялся, и я, невольно отступив, спиной уткнулась в стену. Инститор оттолкнулся от косяка и неторопливо направился ко мне, и с каждым его шагом меня покидала хваленая уверенность, высокомерие таяло, а сердце колотилось всё быстрее. Я испуганно вжалась в стену, не зная, что ожидать от такой резкой перемены. Охотник приблизился и вдруг щёлкнул меня по носу.

– Делаешь успехи, ведьма! – тихо проговорил он. – Я даже поверил на миг...

Я, не отводя тревожного взгляда от его лица, нащупала рукой стул и бессильно опустилась на сидение, а Генрих склонился надо мной так, что носы наши почти соприкоснулись. Сердце на миг замерло, а потом снова бешено заколотилось, ладони вспотели.

– Поверил на миг, что ты вернулась к волколаку, – спокойно продолжил Генрих. Глаза его сузились: – А оказывается, ты мне мстишь за шутки о твоей помолвке с Джертом. Я так понимаю, ты встретила с хозяином кафе «Согласна»... Кафе всё ещё на месте? А парень жив? Он в своём уме или мне всё же стоит выслать группу зачистки?

Я судорожно вдохнула, и сердце сладко сжалось так, что на глаза навернулись слёзы. Захотелось прижаться к груди Генриха, обнять его. Инститор верит мне! Взгляд скользнул по его губам, и я, прикрыв веки, сладко потянулась к охотнику, как тот вдруг резко отстранился.

– Впрочем, ты права! – саркастично проговорил он, и я растерянно моргнула. – Мы не были официально помолвлены, и ты действительно можешь делать всё, что хочешь. – Подмигнула: – Как и я.

Кипя от злости, я вскочила и швырнула в инститора первое, что попало под руку, – это оказалось какое-то зелье из ящика Забавы, Генрих ловко увернулся, а зелёную бутылочку поймала субтильного вида барышня, которая вдруг появилась в дверях. Она откинула копну рыжих волос и игриво покосилась на Генриха:

– Любовное зелье? Да ты, красавчик, шалун!

Голосок её прозвучал весёлым лесным ручейком, – чистым и звонким, – но лицо инститора перекосила гримаса ненависти.

– Ведьма! – прошипел он и бросился к девушке, которая тут же выронила бутылочку и испуганно прижалась к двери, впрочем, и не думая убежать.

Я, пытаясь остановить удушение посетительницы, с отчаянием вцепилась в футболку охотника, и Генрих протащил меня за собой пару шагов, и лишь потом нехотя остановился. Девушка облегчённо вздохнула и нервно вытерла лоб длинным рукавом серого платья.

– Дрять твою за ногу, Генрих! – зло выругалась я. – Пора уже что-то сделать с твоими инстинктами, а то всех клиентов распугаешь! – Повернулась к девушке и с натянутой улыбкой уточнила: – А почему вы решили, что это зелье – любовное?

Та попыталась улыбнуться, но дрожащие губы её не слушались, и девушка опасливо покосилась на хмурого Генриха. Я тяжело вздохнула и, отодвинув охотника с пути, подошла к посетительнице.

– Не бойтесь, – проникновенно сказала я и взяла ведьму за руку. – Инститор тоже сотрудник нашего агентства, и он вас не тронет. – Девушка недоверчиво посмотрела на охотника, а тот высокомерно ухмыльнулся и сложил руки на груди. Я вздохнула, – ни на дюйм ведь не подвинется в принципах! – и повернулась к посетительнице: – Может, вы хотите поговорить в моём кабинете?

Девушка едва заметно кивнула, и я повела её за руку, ощущая в ладони её судорожно напряжённые пальцы, Генрих двинулся следом за нами. Пропустила посетительницу вперёд и, обернувшись к институтору, показала ему язык, да захлопнула дверь перед его носом. Кусая губы, едва сдерживала смех, представляя его вытянутую физиономию, – вот тебе за уединение с Багирой! – заперла замок и повернулась к ведьме.

– Так что насчёт любовного зелья? – спросила я достаточно громко, чтобы Генрих слышал. – Как вы определили, что это именно оно?

Посетительница смущённо потопталась у окна и несмело улыбнулась.

– Это моя специальность, – тихо проговорила она и тут же поправилась: – Не распознавание зелий, конечно, а любовная магия. Я могу сварить любовное зелье, могу приворожить клиента и без зелий... – Голос её становился всё громче и увереннее, словно профессионализм делал её сильнее и смелее. – Так же я вижу ауру влюблённых. Например, я сразу заметила, как сильно вы любите того красавчика!

Я поперхнулась и поспешно отошла от двери, прижимая палец к губам:

– Шшшш...

Рыжие брови посетительницы удивлённо приподнялись:

– Почему?

Я торопливо приблизилась к ведьме и обхватила её холодные ладошки:

– Сначала скажите мне, какая у него аура! Вы видите, что он влюблён?

Дыхание замерло, во рту стало сухо, и каждое мгновение, пока ведьма раздумывала, для меня казалось часом.

– Нет, – наконец ответила она, и у меня внутри словно что-то оборвалось. А посетительница продолжила: – Не могу сказать, какая у него аура. Не вижу, и не понимаю почему...

Я досадливо цокнула языком и, отпустив руки девушки, проворочала:

– Кажется, я понимаю. Это их хваленая защита от ведьм! Даже тут работает... Вот засада! Как же понять, что он чувствует?!

Посетительница осторожно тронула меня за локоть:

– Так спросите его...

Я зло расхохоталась и покачала головой:

– Спросить?! Легче сразу на костёр отправиться, чем выслушивать то, что последует за этим вопросом... Вы не знаете девиза институторов: не помучил ведьму – день прошёл зря!

Карие глаза посетительницы расширились, а рот забавно приоткрылся, словно она была голодным птенцом и требовала червяка. Я вдруг спохватилась и проговорила:

– Ох, простите! Вы же пришли не для того, чтобы просвещать меня насчёт любовной магии... – Я на мгновение отвлеклась и машинально потёрла нос: – Но всё равно спасибо! Интересно, зачем русалке любовное зелье? К её ногам и так все штабелями укладываются... Ах, да! Присаживайтесь...

Я усадила посетительницу на единственный стул, а сама разместилась на столе.

– Скажите, как к вам обращаться, – деловито проговорила я, отмечая её быстрые пальцы, в которых белел кружевной платочек, и тёмные подпалины под глазами. – И что за дело привело вас в наше агентство?

***

Крайне озадаченная, молча проводила гостью к выходу. Данья то и дело бросала на меня встревоженные взгляды, но я делала вид, словно ничего не замечаю. У двери остановилась и натянуто улыбнулась ведьме:

– До завтра.

Она обхватила мои руки холодными ладошками и пытливо заглянула в глаза.

– Я буду надеяться, что вы согласитесь! – пылко сообщила она и, отдернув руки, словно обожглась, выскочила из офиса.

Я машинально прикрыла дверь и повернулась к Забаве: секретарша уже вернулась. Она сидела за своим столом и изо всех сил делала вид, что ей абсолютно неинтересно, что за дело предложила посетительница, но получалось у русалки неважно. Я засунула руки в карманы и раздражённо передёрнула плечами:

– Не нравится мне всё это!

– Что не нравится? – мгновенно отозвалась Забава.

Отбросила ручку и нетерпеливо подалась вперёд, пронзая меня острым взглядом. Я покосилась на закрытую дверь в кабинет инститора: видимо, Генрих после моей выходки решил уйти в режим игнора. Да и ладно! Забава не выдержала и дёрнула меня за локоть.

– Что не нравится? – громче повторила она.

– Не знаю, – пожалала я плечами. – Но чую, что-то тут неладно... Помнишь, ты вчера в магазине заявила, что кусок мяса в упаковке не стоит брать? Как ты поняла, что оно испорчено?

Теперь пришла очередь русалки жать плечами.

– Не знаю, – скопировала она мой тон. – Может, запах почуяла, пусть его и завернули плотно... Или цвет не понравился, трудно сказать точно. А та гримза настаивала, что свежее! Зато какое зелёное было у продавщицы лицо, когда я вскрыла пакет... Загляденье!

– Жаль, мысли человека не вскрыешь, как пакет, – задумчиво произнесла я. – Если, конечно, не забирать воспоминания... – Я встрепенулась, решительно подошла к двери в кабинет инститора и забарабанила: – Выходи, охотник! Дичь заждалась...

– Генрих ушёл, – перебила меня Забава.

– В смысле? – опешила я и машинально повернула ручку: дверь оказалась не заперта, и я, распахнув её, убедилась, что в кабинете пусто. Может, он так мстит? Или ему действительно неинтересно, что такого просит у нас провинциальная ведьма? Я растерянно повернулась к секретарше: – А куда он ушёл?

Забаву на миг задумалась и неуверенно произнесла:

– Он сказал, что ему нужно утолить жажду. Может, он в баре внизу?

– Генрих не пьёт, – возразила я и понимающе усмехнулась: – Но, кажется, я знаю, какую жажду ему необходимо утолить. Не завидую сегодня ведьмам без лицензии...

Забаву подскочила.

– Он что, изменяет тебе?! – Она прижала руки к щекам, глаза русалки расширились. – Что же ты молчала? Я бы его ни за что не отпустила!

Я присела на краешек стола русалки и запустила руку в пузатую вазу, выжививая красную конфетку.

– Хотелось бы посмотреть, как ты пытаешься удержать инститора, – иронично хмыкнула я, шурша обёрткой, – в нос ударил приятный аромат барбарисок, – забросила леденец в рот и с удовольствием прищёлкнула языком, ощущая кислую сладость. – Русалка против охотника! Делайте ставки, господа...

– Злая ты, – обиделась Забава. – Я к тебе всей душой, а ты ко мне задницей!

Я не выдержала и расхохоталась:

– Вообще-то задница – это твоя сильная сторона!

Забаву на мгновение замерла, её синие глаза маниакально сверкнули. Я подавилась конфетой: ох, зря я это...

– Полагаешь? – восторженно взвыла русалка. Она слегка набычилась и, не сводя с меня жадного взгляда, схватила себя за ягодички. – А то мне вчера показалось, что они слегка обвисли... Давай покажу!

Нервно откашливалась и махала руками, проклиная слова, что вырвались у меня так не вовремя. Если срочно что-то не придумаю, чтобы остановить приступ эксгибиционизма русалки, то придётся только применять силу даймонии, да спастись бегством. Забава, раска-

чиваясь, медленно приближалась, и по подбородку её уже потекла тонкая струйка слюны. И тут меня осенило:

– Кстати! А зачем тебе любовное зелье?

Подруга застыла так резко, словно её внезапно окатили ледяной водой: рот Забавы приоткрылся, а взгляд вдруг стал затравленным. Русалка одним прыжком отскочила к своему стулу и вжала голову в плечи.

– Так ты знаешь?! – истерично взвизгнула она. – Откуда?

Я нахмурилась: хорошо, что приступ быстро отступил, но с этим любовным зельем явно что-то нечисто.

– Знаю что?

Взгляд Забава забегал по комнате, руки заметно затряслись.

– Я... это... – бессвязно пробормотала русалка, как вдруг подскочила и быстро-быстро закивала: – А! Так это для мамы! Она влюбилась и хочет замуж...

– Что?!

Я поперхнулась и снова закашлялась, да так, что из глаз слёзы брызнули. Стоило мне приставить жирную престарелую русалку под руку с каким-нибудь особо невезучим мужиком, которого опоили приворотным зельем, как стало безумно жаль бедолагу! С трудом откашлявшись, я вытерла мокрые щёки и покачала головой:

– Чудовище! Ты в курсе, что приворот действует совсем недолго? От пары часов до нескольких дней... И то на совсем уж слабеньких личностей. Как ты будешь потом своего отчима из петли вынимать, подумала? Он же после, – кхе! – брачной ночи жить не сможет!

Забава отчаянно покраснела и отвела взгляд, а я решительно подошла к её столу и, решив предотвратить трагедию, вытащила зелье из ящика, но русалка вдруг отчаянно вцепилась в бутылочку.

– Забава! – строго гаркнула я. – Отпусти!

Но это не подействовало: русалка пыхтела и цеплялась за зелье, словно утопающий за спасительную соломинку.

– Мара, пожалуйста, – жалобно взывала она. – Ради моей дорогой мамочки! Она имеет право на обыкновенное женское счастье...

– За счёт обыкновенного мужского ужаса? – саркастично хмыкнула я. – Тебе не кажется, что в сумасшедшем доме и так полно пациентов?

Русалка с отчаянием помотала головой, и её светлые волосы разлетелись сияющим солнечным веером.

– Я найму тебя, и ты поправишь психическое здоровье жертвы...

Я не выдержала и рассмеялась, выпуская бутылку из рук, а Забава тут же засунула добычу в свою сумочку.

– Жертвы! – смеясь, просипела я. – Наконец-то ты называешь вещи своими именами! И кто этот катастрофически невезучий мужчина? Врач или пациент? На кого запала наша милая старушка?

Забава не ответила: она поспешно застегнула сумку и засунула её под стол. Я махнула рукой и вновь покосилась на открытую дверь в кабинет инститора: куда же тот отправился? И как долго будет отсутствовать? Данья вернётся утром, чтобы получить ответ. Я поёжилась: так не хотелось братья за это скользкое дело! Может, отказать прямо сейчас? Телефон она оставила. Сослаться на то, что Генриха нет на месте, и решить всё самой... Но охотнику явно не понравится то, что я не обсудила это с ним.

Хлопнула входная дверь, и я радостно развернулась, но улыбка тут же сползла с моего лица при виде Лежки.

– А, это ты, – разочарованно протянула я.

– И тебе здравствуй, любимая сестричка, – иронично хмыкнул инкуб. Он заглянул в пустой кабинет охотника и добавил: – Уже выставила и второго жениха? А я-то думаю, откуда сегодня в тебе столько оптимизма! Задыхаешься от долгожданной свободы?

Я заскрипела зубами, Забава встрепенулась.

– Так ты теперь не помолвлена? – Она потёрла ладошки и подмигнула: – Поздравляю! Теперь ты можешь выйти замуж за Вукулу и родить ему ребёночка...

– Скорее уж волчоночка, – игриво подхватил Лежик, но через секунду лицо его посерело, а глаза потемнели: – Что?! Какого ещё ребёночка? – Я нервно сглотнула: безобидный инкуб на глазах превращался в монстра. – Вукула тебя обрюхатил? Да я ему хвост на уши натяну!

– Чёрт, ну и извращённые у тебя фантазии, – фыркнула я. – Боюсь представить процесс натягивания... – Повернулась к русалке и погрозила ей кулаком: – Забава, ни разу не смешно! Ещё раз заикнёшься о моей гипотетической беременности, я собственноручно волью в тебя любовное зелье из твоей зелёной бутылочки, а чьей невестой ты станешь наутро – не мои проблемы!

Щёки Забавы побелели, рот распахнулся от ужаса. С Лежика мгновенно слетел праведный гнев, лицо посерело. Инкуб громко икнул.

– Проклятье! Ох уж эти любовные зелья! – Он с содроганием склонился к русалке. – Меня мутит даже от названия, сколько пришлось их выпить. Хорошо, что у меня иммунитет лет с десяти, а то скопытился бы давно...

Забава поникла, её жалкий вид мне совсем не понравился.

– Иммунитет? – простонала она.

– Да, – кивнула я и, не отрывая от секретарши настороженного взгляда, пояснила: – Его ещё в школе этой гадостью травили едва ли не каждый день. Мне даже приходилось постоянно таскать с собой активированный уголь. Брата тошнило, он на глазах слабел от этой отравы... Кстати, об отраве! Про мать ты мне наврала, не так ли?

Забава отшатнулась и прижала ладонь ко рту, я бросила на брата многозначительный взгляд, инкуб нахмурился.

– Не может быть, – растерянно покачал он головой, брови его забавно сложились «домиком». – Это же Забава! Просто Забава...

Я хмыкнула:

– Знаю! Русалка для инкуба – существо бесполое... – Резко бросилась к секретарше и схватила подругу за ухо: та вскрикнула от неожиданности и боли. Я прошипела: – А ну, говори, это Аноли не сдаётся, да?

Инкуб вздрогнул всем телом и снова громко икнул, а Забава тоненько заверещала:

– Да! Она умоляла меня спасти её несчастную любовь... и честь!

Я разжала пальцы и обиженно буркнула:

– Ты как маленькая! Дружишь с Аноли потому что та бегаёт с тобой по ночам, и не замечаешь, что хранительница просто использует тебя?

Забава недовольно потёрла красное ухо и упрямо проворчала:

– Инкуб её первый мужчина! Аноли говорила, что может выйти либо за Генриха, либо за Лежика. Но так как у инститора официальная невеста...

Она резко замолчала, и по моей спине пробежался морозец: я же не невеста Генриху! Инститор теперь официально свободен, и Аноли снова повиснет на нём. Что же делать?

– И откуда в тебе столько романтики... при твоём-то хобби? – пробормотала я и беспомощно оглянулась на брата: – А вообще идея свадьбы не так уж и плоха...

Лицо Лежика посерело, кадык дёрнулся.

– Мара, – прошептал инкуб. – Что я тебе плохого сделал?

Я ухмыльнулась и приподняла брови:

– Тебе общим списком или расписать по пунктам?

Рот Лежки беззвучно распахнулся, в глазах появилась тоска: брат знал, что если я за что-то берусь, то доведу до конца... каков бы этот конец ни был. А лично мне идея женить инкуба с каждой секундой казалась всё более и более привлекательной.

– А чем ты недоволен? – с наигранным удивлением уточнила я. – Девушка-красавица! Какая разница: одной больше, одной меньше? И вообще, тебе же девственность птички досталась, так что неси ответственность, как настоящий мужик...

Забава поддакнула:

– Вот-вот! А ещё Аноли прилично зарабатывает. Она не призналась, сколько точно, но сказала, что сможет не только прокормить всю Лежину ораву, но и запросто купит им новый дом в качестве подарка на свадьбу!

Я даже подпрыгнула от радужной перспективы одним ударом решить сразу две проблемы: уберу с пути возможную соперницу, да и брат больше не будет доить меня. Лежик нервно облизал алые губы и затравленно покосился на дверь, медленно отступая к выходу, но я вцепилась в рукав его чёрной рубашки:

– Так она, получается, даже не против других жен? Просто находка! Не жена, а мечта инкуба...

– Лучше убейте, – умоляюще прошептал Лежик. Он попытался вырваться из моей хватки и, не сумев, задрожал всем телом: – Она же чёртов гипнотизёр! Это даже хуже, чем жениться на ведьме...

Я опешила, пальцы невольно разжались: брат, воспользовавшись моим замешательством, тут же бросился к выходу, но наткнулся на Генриха. Сердце радостно подпрыгнуло и тут же сладко замерло при виде его изумрудных глаз, а дыхание невольно перехватило: какой же он эффектный!

– Это кто тут собрался жениться на ведьме? – саркастично уточнил инститор и, не позволив инкубу сбежать, с силой захлопнул дверь: – Может, я попытаюсь переубедить этого сумасшедшего? Хватит и одной трагедии в «Чудо-Траве»!

Я запыхтела и недовольно заскрипела зубами: что он хотел этим сказать? Генрих, не обращая внимания на мои пылающие щёки, подошёл и гордо бросил к моим ногам какие-то бумаги. Я с подозрением посмотрела на листы, заполненные ровным подчерком:

– Что это?

Генрих прислонился к стене и, сложив руки на груди, с улыбкой ответил:

– Решение малого собрания Комитета по спорному вопросу следующей из даймоний.

Я вздрогнула и, с подозрением покосившись на него, медленно опустила на корточки, протянула руки: пальцы заметно тряслись. Решение Комитета?! И чему, интересно, инститор так радуется? По спине поползли мурашки: не к добру это...

– Ну что опять? – Раздражённо спросила я: язык едва ворочался, а голова кружилась: – Что Комитету опять от меня нужно? Только не говори, что это официальное приглашение в подземелья...

Генрих фыркнул и посмотрел вверх, словно там был некто незримый, кто разделяет его сарказм. Я начала злиться:

– Так вот какую жажду ты спешил утолить! Решил, что Жертву хватит и глоточка власти, а остальное всё твоё? – Я сжала документы так, что бумага хрустнула под моими пальцами. – И для этого ты держал меня рядышком, а я, глупая, решила, что нравлюсь охотнику! – Я горько рассмеялась и потрясла кулаком с зажатými листами. – Быстро же ты вернул себе власть, главный комитетчик! Что это? Лицензия на убийство? Мне кого-то нужно уничтожить? Неужели, Жертва? Говори уже!

Улыбка Генриха растаяла, взгляд стал жёстким.

– Ты обвиняешь меня в жажде власти? – прорычал он. – А сама настолько жаждешь свободы, что готова на любые глупости, лишь бы избавиться от статуса невесты! Даже бывшему своему блохастому созданию память стирала...

– Вукула не блохастый! – возмущённо воскликнула я, и на щеках Генриха выступили красные пятна. Стушевалась и пробормотала: – Не понимаю, чем тебе не нравится моё стремление к независимости.

– А должна бы понимать! – нетерпеливо воскликнул Генрих. Охотник на миг прикрыл глаза, шумно выдохнул и тихо добавил: – Иначе, зачем всё это?

– Что «всё это»? – уточнила я и нервно оглянулась на Забаву, но русалка, не желая вмешиваться, поспешно отвернулась.

Кажется, я перегнула палку, обвиняя Генриха в жажде власти, да ещё за Вукулу заступилась... Вот вечно инститор выводит меня из себя!

– Собрание организовал Олдрик, – подчёркнуто холодным тоном произнёс Генрих, и я встревоженно посмотрела в изумрудные глаза инститора: упоминание о моём биологическом отце нервировало ещё больше. Охотник ответил мне колким взглядом и продолжил: – Для того, чтобы официально разрешить неприятную ситуацию с Джертом, я собрал все свидетельства о двойной помолвке, а Олдрик, применив закон об очерёдности наследования, добился решения Комитета об отмене вашей с Джертом договорённости.

Я, не отрываясь, смотрела на Генриха, пальцы мои всё сильнее сжимали смятые листы.

– Наследования? – растерянно повторила я. – Не понимаю... Я вам что, мебель антикварная?!

Генрих иронично хмыкнул:

– Мебель и то лучше соображает... Мы с Джертом братья по отцу, не забыла? По закону младший брат не имеет права претендовать на руку избранницы старшего, если тот жив. – Он вдруг широко усмехнулся и весело добавил: – Джерт, кстати, использовал все возможные лазейки, чтобы обвести Олдрика вокруг пальца, но ему ничего не оставалось, как принять документ. Удалось мне утолить твою жажду свободы? Хотя бы свободы от моего сводного брата...

Судорожно расправила смятые листы и пробежалась взглядом по строчкам: что же это? Теперь я официальная невеста Генриха? Сердце пропустило удар и тут же бешено заколотилось, во рту пересохло. Он мой? Неужели, действительно любит ведьму? А я накричала на охотника, обвиняя во всех грехах... Лицо опалило жаром, на глазах выступили слёзы. От избытка чувств громко рассмеялась, тут же осеклась и глубоко вздохнула:

– Чёрт! Получается, зря я того официанта мучила.

Улыбка исчезла с лица инститора, охотник оттолкнулся от стены и, шагнув ко мне, вырвал мятые листы из моих пальцев. Скулы Генриха побелели, глаза сузились, и он, потрясая документом, угрожающе произнёс:

– Ты обещала не выпускать силу даймонии! Что ты сделала? Убила его?!

Я отшатнулась и поспешно помотала головой:

– Нет, конечно! Жив он, жив... Всего-то несколько минут забрала... ну, может часов... максимум несколько дней! Так, на всякий случай. – Я встряхнула волосами и упрямо топнула ногой: – Да какая разница? Это всё неважно, раз есть официальный документ Комитета! – Осмелев, я подошла к Генриху и обняла его за талию: – Ну не злись! Я же не знала... Кстати, а почему ты ничего мне не рассказал? Сюрприз хотел сделать? Я уже подумала, что разонравилась тебе... или вообще не нравилась! Ты же ни разу не обнял меня, не поцеловал.

Генрих решительно расцепил мои руки и, крепко удерживая запястья, отстранился: я нахмурилась, совершенно не понимая поведения инститора.

– Этим документом Олдрик благословил нашу помолвку, а взамен потребовал лишь одно: чтобы я не прикасался к тебе до свадьбы.

Я замерла, на мгновение лишившись дара речи, Забава ахнула, инкуб восторженно взвыл:
– А мне уже нравится этот Олдрик!

Я вырвалась запястьями из рук Генриха и зло посмотрела на брата:

– А мне нет! – И горячо добавила: – Нет, ну что за наглость? Объявился папочка и сразу права качать! – Повернулась к Генриху: – А ты почему послушался?! Он даже не твой начальник!

Инстититор нахмурился и строго сказал:

– Он твой отец, Мара! Даже если ты не чтишь традиции, я институтор, и не могу их не соблюдать...

– Традиции?! – простонала я. Мысль о том, что столько времени мучилась сомнениями об истинных чувствах Генриха из-за Олдрика, подлила масла в огонь. Голова закружилась от гнева, я закричала: – Засуньте ваши традиции... в подземелья Крамора! Я сама буду решать, с кем мне целоваться и кто ко мне будет прикасаться. Никто мне не указ: ни ваш хваленый Комитет, ни мой новоявленный родитель, ни сумасшедший братец-кролик, ни...

– Твой случайный жених, – резким тоном прервал меня Генрих и коротко кивнул: – Я понял! Твоя жажда свободы сильнее, чем я надеялся. Хорошо, я подарю тебе свободу, ведьма!

Он бросил листы на пол и щёлкнул пальцами, и по коже его рук скользнуло синее пламя. Я испуганно вскрикнула и инстинктивно запрыгнула на стол, а голубая искра сорвалась с кончиков ногтей институтора, и документ мгновенно вспыхнул, на глазах превращаясь в пепел. Я затаила дыхание, с трудом сдерживая внезапный порыв потушить пламя и спасти то, что ещё не сгорело, несмотря на ужас перед синим пламенем.

– Зачем? – одними губами прошептала я.

Генрих, не отрываясь, смотрел на пламя, я – на институтора: по щекам его ходили желваки, губы сжались в тонкую линию. Охотник медленно протянул руку, и огонь, недовольно шипя, медленно растаял. Когда погасла последняя искра, я испытала облегчение и одновременно острую тоску. Забава глубоко вдохнула, словно надолго задержала дыхание, а Лежик бросал косые взгляды то на меня, то на Генриха. Тот молчал, избегая моего взгляда. Мучительное молчание затягивалось, и тут раздался резкий звонок.

– Аноли? – сжимая сотовый, рявкнул Генрих. Смолк, выслушивая хранильницу, и тут же весь напрягся, словно перед прыжком. – Скоро буду!

Я зарычала, а Забава нервно хихикнула и прижала ладонь ко рту. Генрих, не обращая ни на кого внимания, быстро прошёл в свой кабинет, до меня донёсся грохот металла, и я поспешно спрыгнула со стола. Он что, собирает свои чудовищные игрушки? Значит, уйдёт на задание Комитета. Сердце болезненно сжалось: может, задержать его? Я уныло покосилась на чёрное пятно на полу и тихонечко вдохнула.

– Мара, – растерянно прошептала Забава, недоверчиво поглядывая на закрытую дверь в кабинет институтора. – Почему ты ничего не предпримешь?

Я пожалала плечами: а смысл? Вернулся Генрих: на плече его висела огромная тяжёлая сумка, на лице написана твёрдая решимость. Не прощаясь, он быстро окинул офис, а я прокричала вслед:

– Ну и катись к своей Аноли! Чтоб вы провалились вместе со всем Крамором!

Хлопнула дверь, и я схватилась за горло, которое словно сжали раскалённые железные тиски, на глаза навернулись слёзы. Ну уж нет, не дождёшься ты моих слёз, главный комитетчик! Тихо рыча и поскуливая, словно побитый пёс, я опустилась на пол и протянула руку к тёмному пятну. Лёгкий сквозняк приподнял полупрозрачные хлопья, и пепел закружился в воздухе. По запястьям заструилась жестокая сила, которую питала боль и разбитая надежда, – даймония оживала во мне.

– Мара! – деревянным голосом произнёс Лежик. – У тебя глаза светятся...

Забава охнула и спряталась за спину инкуба. Я поспешно втянула силу даймони и про-
стонала:

– О нет! Ещё пара минут, и я бы собственноручно стёрла с лица земли весь этот Крамор!
Вместе со столицей...

Глаза русалки стали огромными, Лежик громко икнул и, нащупав стул, осторожно при-
сел.

– Ты не раз рассказывала о силе даймони, – промямлил он. – Но, признаться, я не особо
верил... А вот теперь мне стало жутко.

– Представь, каково мне, – мрачно хмыкнула я. – Знать, что эдакое чудовище внутри
и в любой момент может вырваться на свободу, чтобы уничтожить всё, что мне дорого. – Я
встрепенулась и помотала головой: – Нет, так не пойдёт! Чтобы ни выкинул инститор, это не
должно выбивать меня из колеи! Мне нельзя расслабляться... нужно срочно отвлечься. Точно!
Дело ведьмы. Я беру его!

– Ты про тухлое мясо? – с любопытством спросила Забава.

Лежик осторожно посмотрел на меня и с облегчением выдохнул:

– Ух, хвала Эросу, твои глаза снова нормальные! – И заинтересованно уточнил: – А что
за мясо? И почему тухлое? Я ни разу не слышал о тухлых ведьмах. И такое бывает?

– Ведьма нормальная, – нервно хохотнула я. – Вполне даже в твоём вкусе, если что...

– Но Мара, – перебил меня брат и заметно поморщился: – Тухлое не в моём вкусе!

Я махнула рукой и расхохоталась, с облегчением ощущая, как чудовище медленно засыпает
во мне, а голова становится ясной, и даже боль в груди слегка притупляется. Как хорошо, что
есть любимое дело и друзья, которые всегда рядом!

– Данья не тухлая, – саркастично фыркнула я. – Вполне себе красивая и молоденькая...
А ещё знает толк в любовной магии! Зелье приворотное вот с одного взгляда распознала.

– Ужас какой, – передёрнул плечами Лежик. – А что ей нужно?

– Да, – встрепенулась Забава: – Расскажи, наконец, в чём там дело!

Она подошла и протянула мне руку, помогая подняться, а потом нежно обняла, и я с
удовольствием вздохнула, ощущая тепло дружеского плеча. Похлопала русалку по спине, бла-
годаря подругу за молчаливое сочувствие, и решительно отстранилась.

– Знаете о местечке под названием Тремдиш?

Инкуб вздрогнул, а лицо Забавы удивлённо вытянулось:

– Так Данья из Тремдиша? Она что, одна из знаменитых тремдишевских ведьм? Вот даже
не подумала бы... С виду такая простушка!

Я безразлично пожала плечами:

– А ты представляла себе лысую бородавчатую старуху в развевающемся плаще из пау-
тины и сучковатым посохом в высохшей руке? Традиционный наряд во вкусе Генриха... – Я
досадливо скрипнула зубами, – опять я о нём вспомнила! – и торопливо продолжила: – Так
вот, Данья – наследница древнего клана Тремдишей, одна из семи ныне живущих.

– Всего семь осталось? – удивилась Забава. – Как так? В честь их фамилии даже город
назвали!

Я горько усмехнулась:

– С расцвета Тремдишей прошла уже пара-тройка сотен лет, и за это время ряды клана
изрядно проредили ретивые инститоры, поскольку тремдишевские ведьмы не желали подчи-
няться новым правилам. Стоять в очередях и получать никчемные бумажки вместо того, чтобы
беспрепятственно наслаждаться врождённым могуществом? Я их понимаю! Мало кто из древ-
них сумел скрыться от разящего синего огня, и, как правило, остались в живых не самые силь-
ные представительницы рода. Поэтому ныне живущие наследницы Тремдишей особо не отли-
чаются от обычных ведьм...

Лежик громко зевнул, и я поняла, что лекция по истории затянулась, раз у брата сработал засыпательный инстинкт.

– Так вот! – я потянула инкуба за ухо, и тот недовольно поморщился, но глаза открыл: – Данья рассказала про свою близкую подругу, которая одновременно и дальняя родственница, тоже из Тремдишей. Та влюбилась в некоего заезжего мага. Да так влюбилась, что искры из глаз и мозг на вынос! А через неделю после скоропостижной помолвки она бесследно исчезла...

– Помолвка! – с энтузиазмом воскликнула Забава, и я недовольно скривилась: – Так вот почему тебе не хотелось браться за это дело! Проехались по твоей любимой мозоли...

– Когда Данья начала разыскивать подругу, – громко продолжила я, – то выяснилось, что так же бесследно исчезли и все другие наследницы древнего рода. По сведениям ведьмы перед исчезновением все девушки получили предложение руки и сердца от красивого незнакомца.

– Так эта ведьма осталась одна, тогда как все остальные Тремдиши исчезли? – вдруг заинтересовался Лежик, и я кивнула, довольная, что брат услышал главное: – Не кажется ли тебе, что предложения девушкам сделал один и тот же маг?

– Рыбак рыбака! – хохотнула я и хлопнула Лежку по плечу: – Сразу почуял собрата-многоженца? Только вот ты не прячешь своих жён, а тот, похоже, похищает девчат.

– Или убивает, – мрачно добавила Забава.

В офисе воцарилась тревожная тишина, и я ощутила, как шею сковал морозец дурного предчувствия. Передёрнула плечами, – всё лучше, чем поддаваться ревности и гневу! – и весело проговорила:

– Вот поэтому Данья и обратилась к нам! Она хочет защитить себя... ну а если мы найдём её подругу, то обещала заплатить в десять раз больше.

– В десять раз больше, чем сколько? – деловито уточнил Лежик.

– Найдём девчонку – закроем ипотеку, – подмигнула я.

– Отлично! – Инкуб даже подпрыгнул от воодушевления: – Я рад, что ты решилась взяться за это дело!

– Ага, – хищно улыбнулась я: – И вы оба едете со мной!

Забава с энтузиазмом кивнула, а вот Лежик сник.

– Но Мара, – простонал он. – Ты же знаешь, что на трассе меня жутко тошнит...

– Хорошо, – невинно ответила я. – Оставайся! А я, пожалуй, перед отъездом позвоню папуле, – благо он остался в Краморе! – и попрошу передать Аноли, что ты в восторге от зелья и хотел бы принимать его на завтрак вместо кофе... причём прямо из её прекрасных ручек! Традиции превыше всего!

Кожа на лице Лежика позеленела, инкуб беззвучно открывал и закрывал рот, Забава тихонечко хихикала. Брат, взяв себя в руки, судорожно вдохнул и угрюмо пробормотал:

– В Тремдиш, так в Тремдиш.

Глава 2. Головокружительная встреча

Дорога грязной серой речкой текла между зелёных берегов полей, в приоткрытое окно влетал озорной ветерок, он легонько трепал мои волосы, обдавая запахами скошенной травы и разгорячённого асфальта. Я покосилась на заднее сидение, где сладко посапывала симпатичная ведьма, а рядом недовольно нахохлился мой братец, и усмехнулась:

– Всё ещё дуешься?

– Злая ты, – проворчал Лежик и демонстративно отвернулся.

Я пожалала плечами: ну злая. Да и кто бы остался добреньким после того, что выкинул инститор? Сердце заныло, в горле образовался комок, и я прикусила губу, чтобы не дать слезам вырваться.

– Жалеешь? – тихо спросила Забава, и я невольно вздрогнула.

Покосилась на русалку и криво ухмыльнулась:

– О чём мне жалеть? Это моя работа! Конечно, Тремдиш не ближний свет, но зато денежки посулили хорошие...

– Я не о деле, – нетерпеливо отмахнулась Забава и, склонившись ко мне, прошептала: – Жалеешь, что оттолкнула Генриха? Ты же любишь его...

– Я не отталкивала! – прошипела я и невольно вдавила в пол педаль газа: машина взревела и рванулась вперёд так, что деревья на обочинах превратились в зелёные стены. – Это он сжёг документы и расторгнул нашу помолвку! Я не нужна инститору, да и он мне не нужен!

– Ну да, ну да, – иронично покачала головой Забава. – Он тебе настолько не нужен, что готова разбиться? Куда так несёшься? – Я скрипнула зубами и с усилием потянула стопу на себя, зелёные полосы в окне снова приняли очертания деревьев. Забава вздохнула: – Генрих наверняка считает, что у тебя фобия, связанная со свадьбой. Ты ведь столько раз стирала память Вукуле...

– Забава, прекрати, – простонала я. – Чего ты добиваешься?

– Чтобы ты призналась себе, насколько тебе дорог Генрих! – неожиданно рывкнула русалка. – Ты же сама себя мучаешь. Подумай: разве стал бы Генрих заморачиваться с этими документами, если бы ты была ему не нужна? А? Ему что, делать нечего? Прикинь, сначала поднять на уши Комитет, чтобы доказать своё право называться твоим женихом, а потом за секунду сжечь все плоды своих усилий... Зачем?! Чтобы тебя подразнить? Не кажется тебе, что это немного... чересчур?

– То есть, – сердце дрогнуло, и я прошептала: – Ты считаешь, что инститор реально собирався жениться на мне?

– Нет, блин! – рассмеялась Забава. – Он нереально хотел жениться! Ну ты даёшь, подруга! Прикинь, мужик не прикасался к тебе, держал слово, которое дал твоему отцу... Как ты думаешь, Генрих просто волю тренировал? Думаешь, он не хотел тебя? Да я как помню, какие искры между вами летали, так самой аж хочется найти свою вторую половинку!

Я мрачно усмехнулась:

– Ага! Летают искры... синие! У меня едва сердце не остановилось, когда он сжёг те документы магическим огнём.

Голос оборвался, в носу стало мокро, и я невольно всхлипнула.

– Ты же знаешь, что Генрих жутко вспыльчивый, – миролюбиво произнесла Забава. – Наверняка, он уже жалеет о том, что сжёг документы. И о том, что напугал тебя синим пламенем. Но ты сама довела его, Мара. Во всём виноват твой строптивый характер!

В груди кольнуло, и я недовольно покосилась на русалку.

– Нет! – упрямо возразила я. – Во всём виноват Олдрик! Всё из-за него... Привет, я твой папочка! Через столько лет явился, и нате вам традиции. И сверху воздержание для полного

комплекта! – Я всё больше распалаясь: – Оно мне надо? Меня Лежка вырастил, инкуб мне больше отец, чем хранитель. А у того человека нет никаких прав, чтобы требовать от Генриха такое. Я, дрить твою за ногу, не послушная девственница, как Аноли! Эх, надо было прирезать старика, когда просил...

– Что?! – лицо Забавы вытянулось так, что я усмехнулась: – Ты же это несерьёзно?

Я вздохнула и переключила передачу: разумеется, несерьёзно! Придавить силой могу, даже окунуть в боль и ужас... Но пронзить мечом – нет. Тошнить начинает, стоит представить это. По спине пробежались мурашки: а вот нечто, что живёт во мне, не задумываясь сделает ещё и не такое! Я вспомнила седого Вукулу и окровавленный меч... Нельзя давать волю даймонию! А сила эта едва не вырвалась на свободу после выходки Генриха. Лучше быть одной, тогда никто не пострадает... И инститор в том числе.

– Всё, что ни делается – всё к лучшему, – уверенно проговорила я и покосилась на хмурое лицо русалки: – Честно, подруга! Свобода мне дороже всех парней на свете!

Забава хотела возразить, но я её перебила:

– А вот и Тремдиш! Смотри, там указатель...

Русалка прищурилась, разглядывая окрестности, я крикнула:

– Ей, Данья! Куда дальше?

Ведьма коротко всхрипнула и потёрла лицо, её опухшие от неудобного сна веки словно не желали подниматься.

– Прямо пока, – прохрипела она. – До главной площади, а потом покажу...

– Что? Где я? – встрепенулся Лежик: кажется, и инкуба сморило долгой дорогой, даже хваленая тошнота отступила.

– Кто здесь? – изображая испуг, подхватила я.

Забава невольно рассмеялась, Лежка насупился, а ведьма усиленно потёрла глаза. Домов становилось всё больше, но даже вдалеке я не смогла заметить ни одного высокого здания. Похоже, Тремдиш не поднялся выше третьего этажа. Даже главную площадь, которая была похожа на огромный масляный блин, окружали двухэтажные особняки. Данья махнула рукой в сторону одной из узких улочек, разбегающихся от сверкающего жёлтой плиткой «блина» в разные стороны, и я послушно свернула туда.

Мы остановились рядом с весёлым домиком, больше всего напоминающим пузатого жизнерадостного поросёнка: весь ярко-розовый, с круглыми окошками и «копытцами» лавочек в небольшом дворе. Лежик растерянно ходил вокруг клумбы в форме сердечка, а Забава со знанием дела осмотрела огромный дуб с вырезанными на коре многочисленными знаками «плюс», соединяющими одинокие буквы.

– О! – заметив её интерес, понимающе улыбнулась Данья. – Это волшебное дерево!

– Живое? – насторожилась я и на всякий случай отступила на шаг: вдруг это родственник дубов из Роши, схватит ещё за ноги корнями...

– Дерево влюблённых, – шурясь от удовольствия, продолжила Данья. – Пара, которая оставит на его коре свои инициалы, навеки соединится в своей любви! Если я поставлю между ними «плюсик», конечно... – Я невольно вздрогнула, заметив пару «минусов», а ведьма повернулась к Лежику, который с удовольствием вдыхал сладкий цветочный аромат, и добавила: – И клумба тоже волшебная... Одинокие сердца сажают на ней зёрнышко, а цветок я потом добавляю в любовное зелье.

Лежка с ужасом отшатнулся и закашлялся, я почесала кончик носа и задумчиво пробормотала:

– А неплохо ты зарабатываешь, раз домина такой...

Забава пихнула меня локтем в бок и шепнула:

– Может, и тебе перекавалифицироваться, а? Подучись у Даньи, пока мы здесь!

Я брезгливо скривилась:

– Не по мне это всё... Уж прости! Волосы дыбом от всех этих няшностей.

– Конечно, – обиженно буркнула Забава: – По тебе только ужасы, кровь и кишки...

– Кишки – это хорошо, – хищно ухмыльнулась я, делая вид, что рассматриваю живот русалки. – Мясо! Свежее мясо...

Забава сделала испуганный вид и спряталась за спину Даньи:

– Не ешь меня, страшная ведьма! Я тебе ещё пригожусь! К тому же, говорят, русалки пахнут рыбой! А рыба не мясо...

Лежик осторожно понюхал её волосы и покачал головой:

– Враньё!

– Проголодались? – с сочувствием уточнила Данья, принимая наше дурачество всерьёз. – Проходите в дом, я сейчас что-нибудь приготовлю.

Через полчаса перед нами стояли широкие чашки сладкого чая, а стол ломился от огромного количества пирожных и конфет. Я обвела унылым взглядом всё это цветастое великолепие, и в животе громко заурчало. Так, словно мой организм предупреждал, что уже заранее готов слипнуться. Я простонала:

– А мяска у тебя нет?

Выражение лица у Даньи стало несчастным, я невольно вздохнула и нехотя цапнула пирожное, единственное, на котором не было цветочков. Лежка убрал руки со стола и проговорил тоном умирающего:

– Я же на диете!

– Зачем? – искренне удивилась Данья, и я подавилась от смеха, а Забава сочувственно похлопала меня по спине.

– Лежик всегда на диете, – пояснила она и тихо хихикнула: – Но если мы отвернёмся, половина пирожных таинственно исчезнет!

Инкуб гордо сделал вид, что не услышал этих слов. Осторожно покосился на полные тарелки и поморщился, на белоснежном лице появился ужас перед калориями, словно те готовились наброситься на него и задавить количеством. Данья виновато улыбнулась и пододвинула к нему чашку с чаем, но Лежик отшатнулся так, словно ведьма предложила любовное зелье. Я усмехнулась: подозреваю, что брат так и подумал.

– Пойдём, страдалец! – решительно поднялась я. – Поищем симпатичный ресторанчик...

– Так скоро же стемнеет, – возразила Данья.

Я покосилась на ещё светлые окна и пожала плечами:

– Время детское, даже восьми нет.

Ведьма мягко улыбнулась и пояснила:

– В Тремдише рабочий день до пяти, редко кто работает до шести. А в это время люди уже ложатся спать.

Я недоумённо обернулась:

– И что? У нас ресторанчики работают допоздна, а некоторые и всю ночь.

Данья слегка поморщилась:

– Так то столица! Можете зайти в магазин на главной площади, он работает аж до девяти...

– Уже что-то, – проворчала я и, передёрнув плечами, недовольно покосилась на перламутровые обои и золотые подушки на диване в виде сердечка. – А гостиница в Тремдише есть?

– А чем вам у меня не нравится? – обиженно уточнила Данья. Ведьма надула пухлые губки и резко добавила: – Есть одна, но там вам будет неудобно...

– Почему? – подал голос Лежик.

Данья скривилась и искоса глянула на инкуба:

– Это очень старое здание, бывший замок Тремдишей. Там очень сыро, ведь он построен в овраге, на окраине города... Жёсткие кровати, каменные полы, перебои с электричеством. А ещё говорят, что там есть привидения!

– Круто! – аж подпрыгнула Забава. – Никогда не видела привидений! – Но тут же приуныла: – А вот жёсткие кровати – это плохо! Всё тело будет болеть...

Я хмыкнула:

– С чего бы? Ты же не спишь по ночам! Так и скажи, что тебе приглянулось деревце во дворе. И это хорошо, кому-то надо остаться и охранять Данью.

Забава оживилась и пододвинулась к молодой ведьме:

– Я бы могла расположиться на том дубе, чтобы наблюдать за всем, что происходит. Ведь сверху видно всё! Можно, да? А у тебя много посетителей? Мужчин, я имею в виду...

Данья растерянно моргнула и посмотрела на меня, взгляд её стал жалким:

– Но почему вы уходите? Я приготовлю вам лучшие комнаты и мягкие кровати! Вы обещали защитить меня...

Я перебила ведьму:

– А ещё взялись найти твою подругу, а сидя дома это сделать затруднительно. Не волнуйся! Забава позаботится о тебе: русалке не нужно спать, и это наше преимущество. А мы с братом переночуем в гостинице, а утром вернёмся. – Я повернулась к сияющей подруге и кивнула: – Если что – сразу звони!

Лежик уже несколько минут нервно топтался у двери, явно желая поскорее покинуть опасно-сладкое обиталище Даньи, да и я не горела особым желанием оставаться здесь, поэтому подхватила свою сумку и решительно направилась к выходу. Лежик с опаской обошёл яркую клумбу и забрался в машину, а я покосилась на толстый ствол дерева и замедлила шаг. Что-то не давало мне покоя, словно маленький звонкий сверчок за печкой, привлекало внимание, и я подошла к дереву, провела пальцами по шершавой коре, израненной ножом. Сколько же людей соединила Данья! Какие-то надписи уже потемнели от времени, иные были совсем свежи... Но что же мне не даёт покоя? Я задумчиво понюхала пальцы, от которых исходил аромат свежесрезанной стружки.

– Мара, ты идёшь? – напряжённо уточнил Лежик.

Я пожалала плечами и направилась к машине.

– Поезжай в гостиницу, – попросила я брата. – Мой кошелёк у тебя, оплати ночлег и закажи нормальный ужин. А я прогуляюсь немного, да послушаю город...

Инкуб понимающе кивнул:

– Только не заслушивайся допоздна, а то здесь ведьмы пропадают...

– После помолвки, – усмехнулась я и подмигнула: – А ты в курсе, как я к этому отношусь!

– Да уж, – фыркнул Лежик. – Не завидую несчастному, который рискнёт сделать тебе предложение! Если сразу не прирёшь, так Генрих потом допинает...

Сердце замерло на миг, и я проворчала:

– Вот обязательно было о нём сейчас вспоминать?

– Вот обязательно было доводить мужика до белого каления? – подхватил Лежик.

Инкуб посмотрел на меня так сочувственно, что я ощутила першение в горле и резко отвернулась.

– Кстати, о помолвках, – не глядя на брата, нарочито весело проговорила я, – ты уж постарайся никого тут не подцепить! А то меня потом твои жёны живьём сожгут!

И, помахивая сумкой, энергично пошла по улице. Рёв автомобиля растаял позади, и я, мазнув взглядом по высоким заборам и закрытым окнам, замедлила шаг. Небо немного потемнело, лиловые оттенки заструились по стенам молчаливых домов. Звук моих шагов отдавался эхом, и я старательно прислушивалась, но не могла расслышать даже намёка на людские

голоса. Такое ощущение, что город был совершенно пуст, хотя в это время в столице жизнь только начиналась... По спине поползли мурашки. Я уже пожалела, что решила прогуляться.

Краем глаза заметила некое движение и быстро оглянулась, но это оказалась лишь тощая разноцветная кошка. Та испуганно сверкнула круглыми глазами, словно впервые увидела человека, да исчезла за углом. По какой-то причине я бросилась следом за животным и столкнулась с кем-то. Ударившись лбом и коленом, отлетела к стене.

– Дрить твою, – простонала я, прижимая ладонь к ноющему лбу.

– Вы в порядке? – услышала в ответ приятный мужской голос. – Вы так быстро бежали... Вас что, преследуют?

Невольно хмыкнула и прогнусавила:

– Скорее это я преследовала.

Опустила руку и с любопытством уставилась на высокого молодого человека с букетом ярко-жёлтых роз в руках. На лице незнакомца играла лёгкая улыбка, синие глаза иронично сощурены. Возникло ощущение, что при столкновении пострадала лишь я, а для парня это было лишь лёгкое прикосновение.

– И кого же вы преследуете? – незнакомец приподнял густые брови и медленно оглядел пустынную улицу.

– Кошку, – ответила я, разглядывая его небритые щёки и аккуратный костюм: не иначе, как на свидание направился! – Но, кажется, упустила.

– А зачем вам кошка? – полюбопытствовал незнакомец.

– Есть хочу! – брякнула я и, заметив, как удивлённо вытянулось его лицо, рассмеялась: – Я пошутила! Я действительно не против перекусить, но кошками не питаюсь. Просто это была первая живая душа в Тремдише, не считая тех, что приехали со мной. Станный городок...

Незнакомец широко улыбнулся и слегка поклонился:

– Позвольте представиться – душа живая вторая, – весело проговорил он и лукаво добавил: – И я намного аппетитнее кошки, не правда ли?

Я невольно нахмурилась, – что он хотел этим сказать? – а незнакомец расхохотался:

– Я тоже пошутил!

Я посмотрела на него, и по спине побежали мурашки. В пустом странном мёртвом городе встретить мужчину в строгом костюме и с букетом цветов: действительно ли это случайность? Руки затряслись, а я всё не могла оторвать взгляда от лица незнакомца: теперь за внешней красотой чудилась мертвенная холодность, а в синих глазах мерещилась тень смерти...

Сердце замерло. Что далеть, если это тот самый маг, который и похищал девушек? Неужели я столкнулась с преступником, когда тот шёл к Данье? С цветами, при параде... Теперь понятно, что это за свидание!

– Вы... – прохрипела я и, сцепив руки за спиной, попыталась улыбнуться, но губы не слушались. Прокашлялась и продолжила как можно увереннее: – Вы действительно гораздо аппетитнее кошки. – Чёрт! Что я несу? Нервно хихикнула и зачем-то добавила: – И, безусловно, красивее...

Незнакомец пристально посмотрел на меня, взгляд его словно пронзил ледяными иглами, уголки губ опустились. Спина похолодела: я уже не сомневалась, что передо мной тот самый преступник. Но знает ли он, что я догадалась? Но пролетело мгновение, и молодой человек, протянув мне букет роз, снова расплылся в улыбке.

– Благодарю за самый оригинальный комплимент в моей жизни! – весело проговорил он

Не отрывая взгляда от его приветливого лица, машинально приняла цветы. А может, показалось и я придумала этот могильный холод? Просто обстановка навеяла: все эти разговоры о пропавших ведьмах, пустой город и неожиданный красавчик с цветами... Пожала плечами, уткнулась носом в ярко-жёлтые лепестки, вдыхая нежный аромат, и голова моя слегка закружилась, ноги стали ватными, тело покачнулось.

– Эй, девушка! – Услышала заботливый голос незнакомца. – Вам плохо?

– Нет, – промямлила я, ощущая лёгкую эйфорию, словно после пары бокалов хорошего вина натошак. – Мне хорошо!

Ощутила на плечах тёплые руки и подняла глаза: он что, обнял меня? Или подхватил, когда я упала? А я упала? В ушах зашумело, перед глазами всё поплыло. Неожиданное опьянение развеселило меня, и я, потянувшись к красавчику, вцепилась пальцами в его уши.

– Ты прелесть, – хихикнула я, переступая, чтобы устоять на ногах. – Симпатичный...

Под подошвами захрустели жёлтые розы, которые в какой-то момент успела уронить. Я держалась за уши незнакомца так отчаянно, что тот невольно поморщился от боли, но высвободиться почему-то не пытался. Я же привстала на носочки и, вытянув губки трубочкой, потянулась к его лицу, маг замер в ожидании поцелуя, но я лишь чмокнула его в гладкую щёку.

– Но Генрих всё равно лучше! – добавила я и отпустила красные уши незнакомца.

– Кто такой Генрих? – растерялся тот.

Я покачулась и, с трудом сфокусировав взгляд на его недовольном лице, смущённо зарделась:

– Мой жених! – Тут же нахмурилась и, едва ворочая языком, добавила: – Или не жених...

Какая разница? Всё равно люблю инститора!

Маг зло выругался, а я рассмеялась, ощущая себя так, словно выпила целую бутылку коньяка на пустой желудок... И хоть желудок действительно пустой, спиртного не пила. Стало грустно: и почему же себя так странно чувствую? Обхватила гудящую голову и пробормотала:

– Может это зелье? Но как? Неужели, Данья добавила что-то в чай? Да нет! Зачем ей это... – Покачулась и схватила мрачного незнакомца за грудки. Глядя снизу вверх в его синие глаза, грозно рыкнула: – А ну признавайся, приятель! Ты преступник? И не смей отпираться, я знаю, что ты – маг!

– Некромаг, – холодно поправил тот.

Неожиданно раздался рёв автомобиля. Обернувшись, с удивлением посмотрела на машину Лежки, которая приближалась, ослепив меня ярким светом фар. Взвизгнули тормоза, инкуб высунулся из открытого окна.

– Мара, брось эту несчастную кошку! – крикнул брат. – Я нашёл приличную гостиницу, и там есть нормальная еда. Поехали!

– Мясо! – сглотнув слюну, с удовольствием проговорила я. Обернулась к магу, но не увидела его. Казалось, только что сжимала лацканы его пиджака, но сейчас в руках держала невесту откуда взявшуюся кошку. От удивления пальцы разжались, и кошка, вопреки всем законам, шлёпнулась на асфальт боком. Животина тут же подскочила и бросилась наутёк, я потёрла веки и растерянно пробормотала: – Что это было?

Лежик вышел из машины и обнял меня за плечи:

– Мара, тебе плохо? Тебя уже шатает от голода!

– Ага, – испуганно огляделась я в поисках загадочного мужчины. – А ещё у меня, по ходу, галлюцинации!

Лежка бережно отвёл меня к машине и усадил на заднее сидение. Я ощутила, как медленно отступает странное состояние опьянения, накатившееся после того, как приняла от незнакомца букет... Вздрыгнула и обернулась к месту, где только что стояла, и кожу на затылке стянуло от ужаса: на сером асфальте яркими жёлтыми пятнами пестрели лепестки роз.

Нащупала в кармане сотовый. В глазах всё ещё двоилось, поэтому попросила Лежку набрать номер.

– Забава? – хрипло проговорила я. – У вас там всё в порядке? Посетителей нет? И хорошо... К Данье никого не пускай! Особенно красивых мужиков с синими глазами и жёлтыми розами... Да-да! Все синеглазые с розами – твои!

Отключила телефон и облегчённо откинулась на спинку сиденья. Если тот человек – не галлюцинация, дальше дуба он точно не пройдёт. Правда, если за ночь не появится ни одного синеглазого, Забава будет жутко разочарована...

***

– Зачем столько?! – возмутился Лежик. Он с ужасом смотрел на стол, сплошь уставленный тарелками, и по мере того, как единственная официантка гостиницы Тремдиша приносила новые блюда, глаза инкуба становились всё больше и больше. – Я же на диете...

– Вот именно! – оборвала я праведный гнев брата и хлопнула инкуба салатной ложкой по кисти. – Запомни это хорошенько и не тяни свои лапы к моей еде!

– Твоей?! – раздражённо взвизгнул Лежка. Он подул на руку, смерил меня придирчивым взглядом и саркастично добавил: – Если ты собираешься всё это съесть, то можешь забыть о замужестве...

– Это ещё почему? – с набитым ртом прошамкала я.

– Растолстеешь так, что никто на тебя и не посмотрит, – рявкнул Лежка, пытаясь отобрать у меня кусок мясного рулета с ароматной подливкой.

Я вырвала вилку и треснула ей брата по лбу, рулет сорвался и, пролетев пару метров, шлёпнулся у порога небольшой провинциальной столовой. Вошедший в это время посетитель отшатнулся и, секунду помедлив, направился прямо к нашему столу. Я с сожалением облизала вилку и сердито набросилась на брата, лишившего меня вкусного кусочка:

– Вот и хорошо! Хватит в нашей семейке одного чокнутого инкуба, готового жениться на каждом, кто носит юбку. Как посмотрю на тебя, так тошнить начинает...

– Вот и хорошо! – тем же тоном проговорил Лежик: – Похудеешь! Ты уже съела булочку и салат... не говоря о пирожном в доме Даньи. Положи котлету! Мара, я тебе уже тысячу раз говорил, как несексуально жрать всё, что не приколочено гвоздями!

– Ты не прав, приятель, это очень сексуально! – Услышав рочучий мужской голос, я подавилась котлетой. Пытаясь откашляться, обернулась к вошедшему с намерением высказать всё, что думаю о невежах, влезавших в семейный разговор, да так и замерла с открытым ртом, забыв при этом, как дышать. Посетитель, в которого я едва не попала куском мяса, оказался... Генрихом! Инститор стянул с головы капюшон и криво ухмыльнулся: – Я тоже рад тебя видеть, Мара. Закрой рот и ешь...

– Не получится, – флегматично отозвался Лежик. Он протянул Генриху руку для рукопожатия и иронично покосился на меня: – Есть с закрытым ртом несколько затруднительно... и поэтому ход твоих мыслей мне очень нравится! Не дай Эрос, глядя на сестру, все решат, что я тоже обжора!

Оправившись от изумления, я аккуратно положила вилку, чтобы не поддаться искушению и не проткнуть ей глаз охотнику или инкубу. Окинув Генриха подозрительным взглядом, прошипела:

– Следишь за мной?

– Ещё чего, – равнодушно ответил тот, и я растерянно проследила, как институтор беспардонно подхватил мою вилку и сунул себе в рот кусочек нежнейшего паштета... моего паштета!

– Каким же ветром тебя занесло в Тремдиш? – усаживаясь на место, спросил инкуб.

– По срочному делу Комитета, – спокойно отозвался Генрих, с удовольствием поглощая салат. Я, не выдержав подобной наглости, попыталась отобрать вилку, но институтор оказался сильнее. Яростно заскрипела зубами, а он, сощурился глазами, саркастично добавил: – Заодно решил убедиться, что Мара не стёрла этот симпатичный городок с лица земли.

– Когда я что-то стирала? – вскочила я.

– Хороший вопрос! – восхитился Генрих и демонстративно понюхал меня.

Щёки опалило жаром. Смутившись, я оттолкнула институтора и зло буркнула:

– Спасибо! – Выбралась из-за стола. – Аппетит окончательно испорчен!

– Правда? – обрадовался Лежик. Повернулся к инститору и расцвёл в благодарной улыбке: – Спасибо, брат!

Я схватила инкуба за ухо:

– Какой он тебе брат?!

И потащила за собой: Лежка взвыл и схватился за мои руки, едва успевая переставлять ноги, чтобы поспевать за мной и не остаться без уха.

– Мара... Ай! – кричал он. – Пусти!

– Спасибо за ужин! – донеслось нам вслед. – Увидимся утром.

– Может, действительно стереть этот Тремдиш с лица земли? – сквозь зубы прошипела я и, пнув дверь, распахнула её: – Вместе с треклятым инститором! Не зря же он тащился в такую даль! Дела Комитета? В этой глуши? Не смешите меня!

– Мара, – захныкал Лежик, извиваясь в моих руках. – Я-то тут при чём? Иди Генриху уши надери! Злишься на него, а страдаю я. Я вообще не хотел в Тремдиш ехать!

– Страдалец, блин! – высокомерно фыркнула я, отпуская брата. – Мы здесь по делу... реальному, в отличие от инститора, так что сопли подбери и топай спать! С утра займёмся поисками пропавшей ведьмы...

Затолкала инкуба в маленькую комнатку, одну из двух, которые нам выделили в местной гостинице, а сама быстро зашла в дверь напротив номера брата. Прижалась к прохладной деревянной поверхности и прислушалась. Сердце колотилось, перед глазами плясали пятна. Минута, две... десять. Кажется, Генрих действительно остался в столовой. Испытав смесь облегчения и разочарования, тяжело вздохнула и включила свет.

Свободных комнат в гостинице оказалось всего две. Одна из них – та самая каморка, где помещалась лишь кровать, да тумбочка, вторая же тянула на двухместный люкс. Затравленно покосилась на огромную кровать, над которой угрожающе навис бордовый балдахин, и содрогнулась. Надо было поменяться с братом, не смогу уснуть на этом...

На высоком резном столике стояла ваза с фруктами, и я, цапнув аппетитное красное яблоко, вгрызлась в ароматную мякоть и подошла к окну... которого не оказалось. За тяжёлой занавеской обнаружилось нечто вроде бойницы, но даже та была заложена кирпичами.

– Вид просто обалденный! – восхитилась я и задумчиво провела кончиками пальцев по холодному шершавому кирпичу. Поёжилась от сырости и покосилась на кровать: – Ну ладно, рискнём.

Отбросила огрызок и, содрогаясь от холодного соприкосновения с тяжёлым одеялом, нырнула в постель, взгляд упёрся в тёмную громаду балдахина. Возникли жуткие ассоциации с крышкой гроба, и я повернулась на бок, прижимая щеку к подушке, да поспешно прикрыла веки. Но сон не приходил.

Розовые лепестки ядовито-жёлтого оттенка на сером асфальте... Не привиделось же мне это! Пусть мужчину в костюме Лежик не увидел, но розы то заметил? Или нет? Надо было спросить. Перевернулась на другой бок и тяжело вздохнула. Некромаг... Был ли это тот самый преступник, который похитил девушек? Смазливый, девчонки на таких ведутся. Но не я! Слишком зализанный, скользкий, словно холодная змея... А какое у него стало лицо, когда я заявила про Генриха! Тихо хихикнула и осеклась: а зачем я вообще начала говорить про инститора?

Решительно откинула одеяло и босиком пошлёпала по холодному полу, направляясь к стулу, на котором бросила одежду, выудила сотовый и, приплясывая от сырости, набрала русалку.

– Забава, у вас там всё в порядке?

– Блин, достала! – раздражённо ответила та, и челюсть моя отвисла: с чего бы она такая звониченная? – Всё хорошо, Мара! Не звони больше... Если случится что, сама наберу.

Раздались короткие гудки, я изумлённо посмотрела на телефон: пирожных что ли обелась? С чего такая злая? Отвлекла от процесса самолюбования? Но, если верить словам Даны,

в Тремдише по ночам не принято шататься. Пожала плечами и положила сотовый на стол. Обхватила себя и потёрла плечи, – холодно! – да прыжками вернулась в кровать.

Накрылась одеялом с головой и, пытаюсь забыть о чудовищном балдахине, зажмурилась. Но шло время, а сон всё не приходил, в голове постоянно крутились мысли о незнакомце с розами. Может он действительно направлялся к своей девушке, а мне просто подурнело от голода? Да так, что не заметила, как схватила кошку...

Застонала и, откинув одеяло, заметила в темноте противоположной стены едва контур низкой дверцы. Заинтересованно приподнялась: тут есть запасной выход? Или это кладовка? Выскользнула из постели и быстро приблизилась, но дверь оказалась заперта. Несколько раз подёргала за ручку и, смирившись, побрела обратно. В животе заурчало, и я замерла около стула с одеждой. Нет, так не пойдёт! Это Лежик думает, что девушке на ужин должно хватить одной котлеты и ложки салата, я же наверняка заснуть не могу от голода!

Быстро оделась и выскочила за дверь, на цыпочках прокралась мимо двери брата и понеслась в сторону столовой, молясь, чтобы они не успели выбросить заказанную мной еду. В щели приоткрытой двери мягко золотился свет, и я прибавила скорости, как вдруг услышала голос брата:

– Ну, за любовь!

Раздался звон стекла, и я поспешно затормозила у самой двери, гневно глядя на брата, который в этот самый момент опустошал бокал вина. По спине поползли мурашки: инкубу нельзя пить, иначе к утру вся гостиница станет его местным гаремом! Зло прошипела:

– Ах ты стервец! – И, закатывая рукава, шагнула в столовую.

– Странно это слышать!

Сердце замерло, тело напряглось, я быстро прижалась к стене, молясь, чтобы Генрих меня не заметил. Почему он всё ещё в столовой? Ладно Лежка, – по ночам его порой тянет на спиртное, – но что здесь делает инститор, который вообще не пьёт? Хлопнула себя по лбу: так свободных комнат оставалось лишь две, и мы с братом заняли обе. Осторожно вытянула шею, рассматривая множество тарелок на столе, невольно сглотнула.

– Ты не веришь в любовь? – покачивая в пальцах пустой бокал, икнул Лежик.

– Почему же? – Генрих слегка приподнял брови и криво усмехнулся: – Я не верю в любовь инкуба. Ты напоминаешь петуха, который топчет всех кур подряд... И это, по-твоему, любовь?

Лежик откинул голову и рассмеялся, его чёрные волосы изящно скользнули по плечам.

– Думал, я обижусь? – весело спросил он. Затем смех оборвался, инкуб серьёзно посмотрел на инститора. – Любовь это прежде всего забота. Вот ты сравнил меня с петухом, и отчасти это верно. Петух защищает курятник!

– Собака тоже сторожит курятник, – саркастично фыркнул Генрих. – Как и самого петуха... Что же ты не называешь это любовью? Забота? Это просто чувство долга! Хотя, надо отдать тебе должное, ты единственный инкуб, у которого я встретил это чувство.

Рот наполнился слюной: я бы сейчас не отказалась от курочки... жареной! А эти два идиота болтают о всякой ерунде, перекрыв мне путь к нормальному ужину! Что же делать? Отступила от двери, размышляя, можно ли попасть на кухню через окно. А Лежка пусть пьёт! Инститор не допустит, чтобы он наделал глупостей. Тихонько двинулась к выходу из гостиницы, но услышала голос брата:

– А что ты называешь любовью?

Замерла на месте. Сердце загрохотало так, что прижала руки к груди, боясь, что его стук будет слышен даже в столовой.

– Любовь, – медленно произнёс Генрих, и от его горького тона защипало глаза. Услышала глубокий вздох и невольно прижалась к двери, чтобы не пропустить ни слова. – Пытка страшнее любой из тех, которые я изучал в Краморе. Когда не вижу её, такое чувство, словно меня

наизнанку выворачивают, а когда вижу – грудь взрывается, мозги затуманиваются... Злюсь и раздражаюсь по любому поводу. Да и без повода тоже!

Я даже подпрыгнула от избытка чувств: ладони вспотели, а из груди со свистом вырвался выдох: да-да! Генрих постоянно при мне злится! А если не раздражается, то либо подначивает, либо ёрничает. Уже весь мозг себе сломала, пытаюсь понять, как общаться с инстититором.

– Это не любовь, – услышала я насмешливый голос брата. – Эта пытка называется – воздержание! Когда мои жёны злятся и устраивают мне секс-игнор, я уже через сутки ощущаю себя так, как ты расписал...

– С одной лишь существенной разницей, – жёстко перебил его Генрих. – Мара для меня единственная! – Я прижала ладони к губам. Ноги внезапно стали ватными, и я слабо опустила на колени, да прижалась разгорячённым лбом к прохладному косяку. – А она мучает меня: то поманит, то оттолкнёт! Уже ничего не понимаю! Но одна мысль о том, что ведьма играет со мной, режет больше меча.

– Хм, – отозвался инкуб. – А как часто ты говоришь это Маре?

– Что? – раздражённо отозвался инстититор. – Что она для меня – сущее наказание? Да каждый раз, как вижу!

Я услышала смешок инкуба.

– А лучше бы говорил, что она любимая и единственная! Больше пользы – меньше игр.

Сердце сладко замерло, затем заколотилось быстро-быстро. Хотелось ворваться в столовую и броситься на шею институтору, но не менее сильно хотелось убежать и забиться в самый тёмный уголок гостиницы. Ответа Генриха ждала с таким нетерпением, что тело затряслось от напряжения.

– Я и говорил, – устало отозвался инстититор.

– Сколько раз? – педантично уточнил Лежик. – Готов поспорить, что это было раз... ну, максимум, два!

– Ну да, – удивлённо ответил Генрих. – А зачем больше?

Инкуб рассмеялся и покровительственным тоном проговорил:

– Женщины хотят это слушать постоянно! Фишка в том, что если ты не твердишь, что любишь, сразу начинают сомневаться во всём на свете: в тебе, в себе, в ваших отношениях. Могут свести себя с ума всеми этими мыслями. Признания вселяют уверенность, и тогда игры уже не нужны... Ты словно неофит, честное слово!

– Это мои первые отношения, – нехотя буркнул Генрих.

– А как же Аноли? – удивился Лежик. – Она же была твоей невестой...

– А её девственность досталась тебе, – холодно рассмеялся Генрих. – Живи ты в Краморе, вас тут же поженили бы!

– Неужели в Краморе секс автоматически означает свадьбу? – растерянно покачал головой инкуб.

– Ну, если по правилам: сначала свадьба, потом секс. Конечно, бывает и наоборот, но в таком случае хранители могут наказать временным отстранением. Традиции институторов незыблемы...

– погоди, – растерянно перебил его Лежик. – В агентстве ты тоже говорил о традициях. Генрих, ты что... девственник?!

Я икнула и нервно хихикнула: девственник?! Это Генрих-то? Да вспомнить только какие слова он говорил, как измывался... Как целовал! Брат сморозил глупость. Но в столовой было тихо, и по спине поползли мурашки: так это что, правда?!

Поднялась и, держась за стену, медленно отступила от двери. Надо валить, пока меня не обнаружили! И так услышала больше, чем должна. В спину что-то больно ткнуло, и я подпрыгнула от неожиданности, раздался гром металла и звон стекла, кто-то тоненько взвизгнул, и по

моим плечам растеклось нечто горячее и липкое. Испуганно бросилась вперёд, и свет столовой ослепил меня, в спину понеслись ругательства.

– Мара? – взволнованно вскочил Лежик.

– Что с тобой? – звенящим голосом спросил враз побледневший Генрих.

Я посмотрела на свои руки и вздрогнула: они были в крови! Кровь была везде: на плечах, одежде, тягучими каплями она оседала на пол... а голову кружил сладкий ягодный аромат. Хмыкнув, лизнула пальцы и скорчилась от приторного вкуса.

– Это кисель? – воскликнула я и простонала: – Фу! Я вся в этой гадости!

Лежик схватился за сердце и театрально выдохнул:

– Напугала!

Генрих двинулся ко мне:

– Что произошло? Я думал, ты уже спишь. Что ты здесь делаешь?

Я замялась, не смея поднять на инститора взгляд. Щёки мои опалило жаром.

– Не могла заснуть, – промямлила я. – От голода. Пришла перекусить...

В дверях показалась та самая официантка, что обслуживала нас, и её лицо просто пылало от злости.

– Подслушивала она! – громко заявила женщина, и Генрих вздрогнул, а я невольно зажмурилась. – А как меня увидела, заметалась как кошка, которую застукали за кражей сметаны! Целый бак киселя! Коридор теперь выглядит так, словно там подрались волколаки...

Почему-то слово «волколаки» придало мне смелости, и я вскинула взгляд на мрачного Генриха.

– Да ничего подобного! – нагло заявила я и, схватив салфетки, принялась вытирать с рук кисель. – Ничего я не подслушивала! Я шла поесть, но вспомнила, что оставила телефон в комнате, и бросилась за ним! А тут эта с котлом...

– Зачем же тебе так срочно понадобился телефон? – сощурился Генрих.

– А вдруг Забава позвонит! – торжествуя проговорила я и, многозначительно поглядывая на Лежика, добавила: – Мы её оставили охранять... клиента!

Официантка, ворча, подхватила тряпку и двинулась к коридору. Генрих проводил её взглядом и, убедившись, что женщина скрылась за дверью, повернулся ко мне. Я настороженно покосилась на его серьёзную мину и с вызовом спросила:

– Что?

Не верит мне? Конечно! Но что охотник сделает? Я подбоченилась, а инститор неожиданно улыбнулся, и по спине поползли мурашки: обычно, за таким вот нежным оскалом следует нечто неприятное или унижительное.

– Ваш клиент – ведьма Данья? – мягко уточнил он и приподнял брови: – Я прав?

Я молча буравила его недоверчивым взглядом: может, «дело», с которым инститор приехал в Тремдиш, не такое уже и мифическое? Бросила грязные салфетки и осторожно спросила у охотника:

– Не хочешь ли ты её сжечь? – Улыбка его стала ещё шире. Содрогнулась и покосилась на Лежика: – Нет, это не Данья, а совершенно другой человек! И даже не ведьма! И вообще – это парень!

– Какой ещё парень? – пальцы Генриха сжали моё плечо так, что я невольно сжалась от боли. Инститор отдернул руку, и, слизнув с пальца каплю киселя, холодно проговорил: – Впрочем, всё равно! Лучше расскажи мне про ведьму, которая приходила в наш офис. О чём вы говорили?

Я заставила себя улыбнуться и, надеясь, что улыбка не выглядит кривым оскалом, подошла к столу и, потянувшись к Лежику, одними губами произнесла: «Молчи!». Вырвала вилку из его пальцев и, насадив на неё что-то съестное, не глядя, отправила в рот. Повернулась к Генриху и прошамкала:

– Она предлагала приобрести любовные зелья! Хотела наладить через нас поставку подобных снадобий в столицу. А что?

Генрих выглядел слегка разочарованным.

– И что? – уточнил он. – Ты согласилась?

Равнодушно пожала плечами:

– Ты знаешь, как я отношусь к зельям. А Лежку вообще тошнит от одного их вида. Разумеется, отказалась!

– Тогда зачем вы здесь? – допытывался Генрих. – И кто этот клиент?

Я погрозила ему вилкой:

– А вот это не твоё дело! Ты ушёл, помнишь? Собрал свои вещички и свалил, ни слова не сказав! Всё! Финита! Не суй свой нос в мои дела...

Генрих схватил мою руку с зажатой в пальцах вилкой, притянул меня к себе.

– Твои дела? – прошипел он. – Вот уж нет, ведьма, это и мои дела! Я ещё четыре месяца твой компаньон! Забыла про договор?

Инкуб тихонечко поднялся с места.

– Я, пожалуй, вас оставлю...

Мы с Генрихом повернулись к Лежику и слаженно рывкнули:

– Стоять!

– Ты же выпил! – обвинила я. – Забыл, что тебе нельзя? Приключений захотелось? Жди, пока я не примотаю тебя скотчем к кровати!

Лежик ехидно покосился на Генриха и подмигнул:

– Ты лучше его прикрути! А то у бедняги тестостерон уже из ушей валит! – Охотник разжал пальцы, я отпрянула от инститора, а инкуб не унимался: – Иначе, ребята, у вас ничего не получится... Вообще беда, а не традиции! Секс до свадьбы не разрешается, а свадьбы с таким подходом и не предвидится. Зато, как я понял, после ночи любви от кольца не отбрыкается даже моя упрямая сестричка!

Генрих подошёл к инкубу и подхватил Лежку за локоть.

– Я помогу, – проворчал он. – Будешь приматывать, не забудь ему рот заклеить...

– Хорошая мысль, – кивнула я. – Тащи его в мою комнату, там места больше.

Скотча не нашлось, и Генрих предложил порвать на верёвки тот самый жуткий балдахин, чтобы связать Лежика. К счастью, инкуба уже сморило, и он мирно похрапывал вместо того, чтобы уговаривать нас с инститором немедленно заняться любовью, так что кляп вставлять не пришлось.

Я вытерла пот со лба и оценила крепость узлов.

– Надеюсь, удержит, – проговорила с сомнением и зевнула. – Придётся всю ночь сторожить, чтобы не сбежал! Вот зачем ты позволил ему пить? Он ещё неделю ворчать будет, что съел годовой запас калорий!

– Я же не знал, – копошась в своей сумке, буркнул Генрих.

Я боязливо покосилась на торчащие железки и по спине поползли мурашки: так инститор действительно приехал в Тремдиш по душу Даньи? Ведьму надо срочно спасать, а то не видать нам гонорара, как Забаве своей задницы!

– А вообще, – безразличным тоном проговорила я, – ты виноват, тебе и расхлёбывать!

– В смысле? – нахмурился Генрих.

Я усмехнулась и кивнула на храпящего инкуба:

– Сторожить его будешь ты, а я ни в чём не виновата, поэтому буду мирно спать в комнате Лежки. – Подошла к своей сумке и, вытянув чистую футболку, добавила: – А если не уследишь, и инкуб сбежит, то сообщу Комитету, что брат превратил Тремдиш в Содом по твоей вине!

Генрих выругался и наклонился к свёртку, расправляя спальный мешок, а я спокойно подошла к столу и цапнула свой телефон: на экране высветился пропущенный от Забавы, и кожу на голове сжало от ужаса.

– Что? – насторожился Генрих.

Я взяла себя в руки и зло прорычала:

– Да времени уже! Жрать не дают, спать не дают... Монстры! Зато ты можешь отдыхать спокойно: ведьма измучена до полусмерти, и день прожит не зря!

Выскочив из комнаты, с силой хлопнула дверью и облегчённо вздохнула. Телефон запрыгал в моих дрожащих пальцах, я едва попадала по кнопкам, но в ответ лишь узнала, что телефон абонента недоступен. Досадливо скрипнула зубами и нерешительно посмотрела на закрытую дверь. А вдруг тот некромаг с цветочками добрался до последней тремдишевской ведьмы? Может, попросить помощи у инститора? Помотала головой: нельзя! Во-первых, Лежка не в том состоянии, чтобы оставить его. А во-вторых... инститор спасёт Данью лишь для того, чтобы сжечь собственноручно.

Сунув телефон в карман, решительно направилась к номеру Лежки: нужно быстро привести себя в порядок и самой бежать к дому Даньи. Чего бояться? Я же даймония, дочь великой и ужасной Кики... Сама справлюсь!

Глава 3. Смертельная западня

Машина петляла по тёмным пустынным абсолютно одинаковым улочкам. Я тихо материлась за рулём, понимая, что совершенно заблудилась в незнакомом городе, и даже спросить дорогу банально не у кого. Казалось, что до дома Даньи добраться проще простого, но сейчас не могла найти даже центральную площадь! Отступить, впрочем, тоже не имело смысла, поскольку вернуться в гостиницу не могла. И гордость тут ни при чём: просто не понимала, где она находится.

В сердцах нажала на тормоза, машина остановилась. Я выскочила на улицу с намерением проникнуть в первый попавшийся дом и добыть себе проводника, как вдруг заметила с той стороны дороги пятнистую кошку. Замерла: это та же самая или просто похожа? Говорят, ночью все кошки серы, но рыжие пятна этой как будто слегка светились. При первом же моём шаге, животное подскочило и бросилось наутёк, а я зачем-то метнулась следом.

Уже на бегу додумала, что хочу убедиться в том, что кошка эта самая обычная, а никакой не оборотень с холодными синими глазами мертвеца. Никогда не слышала о том, что люди могут оборачиваться в кошек, но волколаки же существуют! Возможны и не такие чудеса... Это было бы простым объяснением всей той чертовщины с жёлтыми розами.

Свежий ветерок обдувал лицо, каблучки звонко стучали по асфальту, звук множился в тишине пустынной улицы, а бездонное небо над головой колыхалось миллиардами звёзд... Когда я вновь посмотрела вперёд, кошки там уже не было. От удивления встала, как вкопанная. Едва переводя дыхание, внимательно осмотрелась: куда же шмыгнула эта проныра? Может, в эти ворота? Медленно приблизилась и коснулась приоткрытой створки: кошка вполне могла пролезть в эту щель.

Решив не отступать, громко постучала и потянула створку ворот на себя. Раздался мерзкий скрип, и я невольно вздрогнула: передо мной стояло то самое, исполосованное рубцами инициалов влюблённых, дерево. Спина похолодела, плечи напряглись. Это же дом Даньи! Ворота не заперты, на ветвях дуба никого нет, между корней сидит пятнистая кошка. Сердце отчаянно заколотилось. Пересилила страх и, медленно опустившись на корточки, протянула руку, пальцы прикоснулись к мягкой щётке: она реальна! Кошка подняла мордочку, круглые глаза сверкнули в темноте холодным золотом. Появилось противное ощущение, что меня заманили.

– Спокойно, – прошептала я, ощущая, как слегка шевелятся волосы на затылке. – Сначала проверим дом... Может, все спят.

Понимая, что русалка не нуждается во сне, натянуто улыбнулась и крадучись приблизилась к входной двери поросячьего домика. Кошка вдруг бросилась мне в ноги и, потёршись о щиколотки, прыгнула на крыльцо. Я покосилась на поблёскивающее окно и содрогнулась: в темноте ночи розовые стены навевали воспоминания о фильмах ужасов. Сглотнула и медленно потянула за ручку: дверь поддалась с нудным скрипом. Шею сковал морозец, по запястьям заструились серые вихри. Я остановилась и глубоко вдохнула, усмиряя силу даймонии, а потом резко распахнула дверь и быстро осмотрела пустую комнату.

– Забава? – позвала я, голос мой дрогнул. Минуту послушав тишину, крикнула: – Данья!

Голова вдруг закружилась, и я со стоном опустила на стул, растерянно разглядывая неубранные тарелки с пирожными. Кошка бесцеремонно запрыгнула на колени и, поставив передние лапки на край стола, вытянула шею, блестящий нос её смешно задёргался.

– Похоже, здесь никого нет, – объяснила я кошке и хотела погладить её по мягкой щётке, но вовремя заметила, что на запястьях ещё дымятся магические вихри. Усмехнулась и, втянув силу даймонии, насмешливо проговорила: – Я едва не лишила тебя воспоминаний, как минимум. Не лезь к ведьмам. Чревато!

Кошка, не обращая на мои слова внимания, активно слизывала взбитые сливки с пирожного: уши её подёргивались. Облизнув пересохшие от волнения губы, я потянулась к чашке и, одним глотком выпив остывший чай, откинулась на спинку стула. Внезапно навалилась такое безразличие, что стало всё равно, куда делись девочки, и что я делаю в абсолютно пустом доме. Ноги ныли от долгого бега, спину ломило от усталости, веки словно налились свинцом.

Раздался грохот. Я вздрогнула, по телу прокатилась волна жара, сонливость словно испарилась. Кошка замерла, повернула мордочку в сторону шума, да и я затаила дыхание, напряжённо прислушиваясь, но ничего больше не происходило. Осторожно вытащила сотовый и едва не ослепла от болезненной яркости экрана. Сощурившись, набрала брату смс, предупреждая, что в доме Даныи никого и я слышу странный шум, а потом решительно поднялась.

Кошка неохотно спрыгнула на пол, а я остановилась, осознав, что перед глазами лишь темнота и очертания экрана сотового. Чертыхнулась, ибо придётся снова привыкать к темноте, и пошарила вокруг в поисках спинки стула, но руки лишь проваливались в пустоту. Повернулась и шагнула к столу, рискуя вляпаться пальцами в сладкую массу какого-нибудь пирожного, но и тут, казалось, ничего не было. По шее пробежался морозец.

Глубоко вдохнула, молясь, чтобы зрение быстрее привыкло к темноте, но ничего разглядеть так и не смогла. Впрочем, контура от экрана сотового я теперь тоже не видела. Встрепенулась, – сотовый! – и включила фонарик, вырывая из темноты мутное белесое пятно под ногами. Вытянула руку и повела луч в сторону, но ни стола, ни стула так и не увидела. Ни мягких диванов, ни подушек-сердечек, ни даже розовых стен!

Ноги что-то коснулось, и я, с трудом удержавшись от крика, резко опустила руку: луч высветил пятнистый бок животного.

– Упорно надеюсь, что ты обычная кошка, – деревянным голосом проговорила я, заглядывая в круглые зелёные глаза. – Хотя надежда тает быстрее, чем количество конфет в нашем офисе! Что дальше?

То, что кошка двинулась вперёд, не удивило, лишь усилилось неприятное чувство: значит, интуиция меня не подвела – это ловушка! Она сработала, и скоро я познакомлюсь с её хозяином. Так как делать было нечего, то последовала за животным, стараясь не потерять в темноте её рыжий хвост. Темнота вокруг то сгущалась, то отступала, словно волны тумана, и кончилась так же внезапно, как и началась.

Я растерянно уронила руку с телефоном, не в силах оторвать взгляда от освещённой лунным светом каменной плиты, что стояла передо мной. Кошка обогнула её слева и исчезла в тени второй такой же.

– Издеваетесь? – простонала я. Звук моего голоса спугнул ворону, птица взметнулась в воздух и пролетела над моей головой, мстительно задев крылом. Я поморщилась от оглушительного карканья и прошептала: – Разумеется, кладбище!

А где же ещё искать некромага? Похоже, что меня пригласили... А похищенные девочки тоже здесь? В любом случае, узнать всё это я могу лишь встретившись с самим магом. Решительно кивнула и, стараясь не обращать внимания на сумасшедше-бьющееся сердце, двинулась вперёд, да тут же запнулась за что-то и, чтобы не упасть, схватилась за холодный скользкий камень памятника. Хотела подсветить себе путь, но оказалось, что фонарик съел остатки заряда, и сотовый теперь абсолютно бесполезен. Сунула телефон в карман и, осторожно нащупывая путь носком туфли, двинулась в ту же сторону, куда скрылся пушистый проводник.

Кошка обнаружилась на третьей могиле: наглое животное, развалившись на жухлых цветах, вальяжно вылизывалось, но, заметив меня, тут же бросила это занятие и спрыгнула на землю. Я осторожно оглядывалась в поисках тёмного силуэта, но вокруг не было ни души. Луна скрылась за облаком, и пришлось передвигаться практически наощупь, ибо ничего не было видно... кроме разноцветной кошки. Я задумчиво прикусила губу: сейчас она вроде не светится, но я её свободно различаю. Кроме, разве что, единичного случая с туманной мглой,

и то не уверена: может, я была слишком напугана, чтобы смотреть на кошку. Интересно всё же, куда она меня ведёт?

Луна освободилась от вуали облака, и на кладбище пролился мертвенный свет. Я остолбенела, заметив в окружении корявых деревьев без листьев контуры невысокого здания.

– Это дом кладбищенского сторожа? – прошептала я. – Или обиталище некромага?

Но чем ближе мы подходили, тем быстрее таяла надежда на мою первую, такую желаемую, версию. Перед домом я заметила открытые каменные склепы, – ровно семь штук! – расставленные так равномерно, словно некто вымерял расстояние между гробами линейкой. Возможно, так оно и было...

Кошка проскользнула между склепами и запрыгнула на невысокое крыльцо, а я заглянула в один из каменных ящиков и остолбенела при виде молодой девушки в белоснежном платье. Лицо несчастной было смертельно бледным, глаза закрыты, а губы подведены ярко-красной помадой. Я быстро склонилась над «невестой» и протянула руку, кончики дрожащих пальцев прикоснулись к гладкой и ледяной на ощупь коже. Шею словно пронзили тысячи маленьких игл животного страха.

– Ну вот вы и нашлись, – ровным голосом проговорила я и, пересчитывая «невест», обошла гробы. – Шесть... – Поцокала языком: – Для ровного счёта одной не хватает! – Осторожно покосилась на кошку, которая активно вылизывалась на крыльце: – Уж не тебя ли? Ты же Данья? – Кошка, не прерывая занятия, не обращала на мои слова внимания. Я постучала указательным пальцем по губам и предположила: – Или ты некромаг? Если предположить, что тот красавчик с розами, в которого я врезалась во время погони за кошкой, и есть этот маг смерти, то...

Кошка не делала вид, что собственная гигиена ей важнее, и все ведьмы животному до лампочки. Может, я ошиблась, и она совершенно обыкновенная? И тут дверь в дом медленно приоткрылась, – от жуткого скрипа мне подурнело. Попятилась и, наткнувшись на пустой гроб, едва туда не свалилась. Взвизгнув от ужаса, бросилась прочь от страшного дома: ляд с ними, с деньгами! Мне с самого начала не понравилась вся эта затея с «невестами»!

Быстро оглянувшись, я увидела, что за мной никто не гонится, более того из двери так никто и не вышел, и даже кошка так и сдвинулась с места. Нет, всё равно нужно убираться! Расскажу всё Генриху, пусть Комитет разбирается с некромагом... И тут врезалась во что-то с такой силой, что меня отбросило на могильную плиту. Застонав от боли, осела на землю. Не в силах даже вдохнуть, слабо вцепилась пальцами в землю, как вдруг та задрожала, местами взбугрилась и зашевелилась так, словно кто-то пытается вылезти из глубины. Не помня себя от ужаса, я вскочила и бросилась наутёк, но тут же снова врезалась в невидимую преграду. Хвала небу, не так сильно, как в первый раз.

Выпрямилась и судорожно вдохнула: воздух с трудом, словно разрывая, наполнил сжавшиеся от страха лёгкие. Протянула руки: дрожащие пальцы нащупали скользкую поверхность, которую не видел глаз. Я положила на неё ладони и, привстав на цыпочки, подняла руки, проверяя, насколько высока преграда, и даже подпрыгнула, но это мне ничего не дало, – стена уходила и дальше, чем я могла дотянуться. Тогда я, не отрывая ладони от магического забора, пошла вдоль него.

Пальцы скользили по неприятно-холодной поверхности, больше всего напоминающей лёд, быстро теряя чувствительность, и я невольно отёрнула покрасневшую ладонь и, прижав ко рту, попыталась согреть дыханием. Что это? Окружает ли эта преграда дом, или просто стоит одинокой стеной? Я покосилась на кошку: та, развалив задние лапы, с усердием лизала свой живот. Дверь дома оставалась приоткрытой, в проёме никого не было видно. Я опустила глаза, – земля вроде не шевелится, – как взгляд наткнулся на палку с закруглёнными сучками на концах.

Подхватив её, я ткнула толстым концом в невидимую стену и, осторожно ступая между могил, пошла вдоль преграды. Над головой с оглушительным карканьем проносились вороны, ветер остервенело раскачивал высохшие деревья, и те жалобно скрипели, роняя на чёрную землю обломки веток. Серебряные блики лунного сияния скользили по мрамору плит то тут, то там, и мне постоянно казалось, что это чьи-то глаза...

Палка, упирающаяся в преграду, двигалась абсолютно бесшумно, а вот у меня под ногами то трещала сломанная ветка, то хрустела прошлогодняя листва, то что-то противно чавкало. Рука уже ныла от усталости, а конца преграде всё не было. Я постоянно посматривала на молчаливый дом, понимая, что и эта моя версия, увы, верна, – магический «забор» окружает дом. Расстояние до него навскидку оставалось всё тем же, но крыльца с наглой кошкой видно уже не было, зато взору моему открылись чёрные квадраты окон, напоминающие две зияющие пустотой глазницы в черепе.

Я содрогнулась и опустила руку с палкой, как вдруг услышала тихий вой. Напрягла слух: вроде не собачий... да и не волчий, – уж как воет Вукула, я никогда не забуду! И вообще, более всего этот вой походил на тоскливый плач отчаявшегося существа. Опять ловушка? Возможно... Но, как говорит, Генрих, любопытство-то терзает! На всякий случай, чтобы вновь не наткнуться на что-то невидимое, я выставила перед собой палку... ну и так, в качестве устрашения и средства самообороны заодно, – если кто вдруг выскочит, то огребёт дубиной быстрее, чем успеет сказать «мяу»!

Звук становился всё отчётливей. Показалось, что я его даже узнаю! Но кто так может выть? Не человек точно: люди так не плачут. Может, какая-нибудь животина по ночам так призывает своего самца, а тут я, да с дубиной... Нате вам брачные игры!

Нерешительно остановилась и осмотрелась: кажется, звук доносится со стороны вон того круглого склепа, окутанного выючным растением типа винограда. Задумчиво почесала затылок: а почему, интересно, мне не пришло в голову, что это может завывать призрак? Кладбище же! Кто угодно, оказавшись на моём месте, уже лежал бы в глубоком обмороке. Но я никогда не верила в призраков, потому что никогда их не встречала. И даже того, кто бы их встречал. А значит, их нет! Опасливо покосилась на склеп: если я не права, и призрак появится, то, пожалуйста, даже извинюсь...

И решительно шагнула в сторону склепа, впрочем, не опуская палки. Призрак там или животина, если попытаются напасть, то по башке огребут одинаково! Ветер шуршал круглыми листьями растения, которое почти полностью скрывало склеп, а лунные лучи вырывали из темноты блестящие куски камня... Но при приближении я поняла, что ошиблась: это не камень, а дерево, а блестит оно от влаги. Колодец?

И тут палка едва не выпала из рук: я вдруг вспомнила, как Лежик рассказывал сказку о демоне, живущем в колодце. А вот в демонов верю! Вспомнить хотя бы энтулку, которая едва не угробила меня. О чём же говорилось в той злополучной сказке? Вроде про чужие далёкие страны... Как демон приманивал путников и утаскивал на дно колодца, где несчастные погибали в страшных мучениях.

Перехватив палку двумя руками так, что пальцы рук заныли от напряжения, я решила всё же не сдаваться без боя. Осторожно, бочком, приблизилась и, не сводя пристального взгляда с распаханного «рта» колодца, покачала палкой, словно приноравливаясь. Сначала я его дубиной по маковке, а если гад вывернется и потащит на дно, то и силу даймонии применю! Он у меня узнает, почём фунт лиха...

– Впервые жалею, что рядом нет Лихо, – пробормотала я и, вспомнив про саркастичного полицейского, который оказался предателем, вздохнула: – Точнее, его револьвера! Надо прикупить, хорошая вещь... полезная!

Вой вдруг прервался, и я приготовилась нанести твари самый мощный удар, на который только способна.

– Мара?

От звука слабого, едва различимого на фоне шелеста листьев, голоса у меня задрожали руки, палка опустилась. Демон знает моё имя? Даёт ли это ему преимущество? Некоторые ведьмы могут проклясть, зная лишь имя. Тем более стоит избавиться от демона! Вновь подняла палку и решительно шагнула к колодцу:

– Допустим, Мара! А ты кто?

– Забава... – Донеслось едва слышно.

– Забава? – ахнула я. Помотала головой: – Нет, это неправда! Этого просто не может быть, – русалка до смерти боится воды. Ты не проведёшь меня, демон! Хочешь утащить на дно? Ну выходи, посмотрим, кто кого!

– Мара, это я, – голос прозвучал громче, так, словно бы русалка собрала все силы и попыталась закричать, и я вновь нерешительно опустила дубину. – Твоя секретарша и эксгибиционистка в одном флаконе!

– Скорей, в одном колодце, – растерянно брякнула я, заглядывая в чёрный зев, но в абсолютной темноте ничего так и не смогла разглядеть. – А что ты тут делаешь?

– Вишу... – прошипела она и поправилась: – Или висю... Неважно! Мне плохо, Мара! Спаси меня!

Я отбросила дубину и судорожно вцепилась в края колодца.

– В смысле висишь? Как? А, чёрт, ничего не видно! – Я с силой начала срывать лозу: длинные упругие ветви тянулись, роняя круглые листья и не желая подчиняться. Но я не сдавалась, и вот лунный свет хлынул в глубину колодца, в темноте угадывались очертания стройного девичьего тела. Я попыталась улыбнуться, но непослушные губы задрожали: – Теперь я знаю, как воеет запуганная до смерти русалка. Можешь протянуть руку?

Я шарилась по краю колодца, пытаясь найти верёвку или цепь, к которой должно крепиться ведро, но ничего не было. Русалка слабо покачнула головой:

– Он сковал меня, я не могу даже пошевелиться...

Кожу на голове стянуло от ужаса, и я спросила деревянным голосом:

– И кто это «он»? Некромаг?!

Забава, видимо, потратив последние силы, безвольно откинула голову, глаза её белесо закатились. Ощувив, как злость наполняет меня, бурлит в дрожащих руках, взрывает грудь, я подхватила дубину и широкими шагами направилась к дому. Ну не зря же всю ночь таскала с собой эту тяжесть? Кто-то должен огрести, и даже знаю, кто!

Я сломя голову бежала к дому, под ногами хрустели ветки, перед глазами словно стояло бледное лицо Забавы. Как он посмел так поступить с моей подругой? Засунуть русалку в колодец – практически то же самое, что запереть меня в зеркальном кубе! Невольно содрогнулась и замедлила шаг... Ловушка ведь! Покосилась на окно и зло усмехнулась: мышка, пожалуй, не полезет через главный вход, а найдёт иной путь! Перехватив дубину двумя руками и сжав её покрепче, приблизилась и заглянула в чёрный проём. Но в стеклянной поверхности разглядела лишь своё расплывшееся отражение.

Отступила на шаг и, резко замахнувшись, изо всех сил ударила по окну: раздался звон, и на землю призрачным дождём посыпались осколки, под ногами, встревоженные битым стеклом, зашуршали старые листья. Не теряя ни секунды, я парой резких движений сбила зигзаги оставшегося на окне стекла и, торопливо забравшись на подоконник, спрыгнула в темноту и поспешно выставила веред собой палку.

После улицы, залитой лунным светом, мне показалось, что здесь невозможно что-то разглядеть. Покачала головой, жалея, что села батареей на сотовом, как вдруг подпрыгнула от внезапной вспышки. Сощурившись, я с трудом разглядела в свете тысячи свечей тёмную фигуру, и с криком ярости бросилась на злодея, который посмел обидеть мою подругу.

Дубина обрушилась на голову противника, а тот даже не пошевелился! Наверняка, я застала его врасплох. Взвизгнув от злой радости, я добавила удар с разворота, а потом ещё и пнула его в челюсть. Глаза уже привыкли к яркому свету, и я разглядела серую кожу, чёрные подпалины под алыми глазами и безобразно-кривую ухмылку... или я ему челюсть разворотила?

– Ну и урод, – пропыхтела я и, переводя дыхание, приготовилась выдать мощный удар в ухо. – Некромаги все такие страшные или мне так чертовски повезло? Теперь понятно, почему вы в хламидах ходите... В ней тебя и похоронят, гад!

Замахнулась...

– Жору уже в ней хоронили, – раздался насмешливый голос.

От неожиданности я вздрогнула, промахнулась и, расставив руки, едва устояла на ногах. Повернулась на голос и замерла: в дверях, привалившись к косяку, стоял тот самый синеглазый незнакомец, который всучил мне жёлтые розы. Я нервно оглянулась на неподвижное создание с горящими глазами и растерянно проямлила:

– Жору?

Некромаг кивнул и снова ухмыльнулся:

– Давать мертвякам имена излишне сентиментально, знаю. Но ничего не могу с собой поделать, ведь я практически дарую им вторую жизнь... полужизнь... ммм...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.